

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Причинение вреда правомерными действиями полиции: вопросы теории и практики правоприменения

Сборник материалов Международного круглого стола

ISBN 978-5-7247-1236-1

© Уфимский ЮИ МВД России, 2026 г.

Об издании – [2](#), [3](#)

УДК 347.426:351.74.08(082)

ББК 67.404.200я431

П75

*Рекомендован к опубликованию
редакционно-издательским советом Уфимского ЮИ МВД России*

***Под общей редакцией
кандидата юридических наук, доцента Рахимова Э. Х.***

Редакционная коллегия:

Э. Х. Рахимов, кандидат юридических наук, доцент;
П. В. Надтачаев, кандидат юридических наук, доцент;
А. С. Игуменов, кандидат юридических наук, б/з;
Р. Ю. Улимаев, кандидат юридических наук, доцент;
А. В. Морин, кандидат юридических наук, доцент;
А. С. Байбурина, б/с, б/з;
С. А. Рябов, кандидат юридических наук, доцент;
З. Р. Игбаева, кандидат юридических наук, б/з;
С. С. Султанов, б/с, б/з;
А. З. Хасанов, б/с, б/з;
Л. Р. Байдавлетова, б/с, б/з

П75 Причинение вреда правомерными действиями полиции : вопросы теории и практики правоприменения [Электронное издание] : материалы Международного круглого стола, г. Уфа, 14 мая 2026 г. / под общ. ред. Э. Х. Рахимова. – Электрон. текстовые дан. 702 МБ (1,2 МБ). – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2026. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования : IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/DVD-ROM дисковод; операционная система Windows XP и выше; Adobe Reader 8.0 и выше. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7247-1236-1

В настоящий сборник включены тезисы докладов, сообщений, выступлений отечественных и зарубежных участников Международного круглого стола «Причинение вреда правомерными действиями полиции: вопросы теории и практики правоприменения».

Сборник предназначен для представителей образовательных организаций правоохранительных органов зарубежных стран, педагогических работников, докторантов, адъюнктов образовательных организаций МВД России, сотрудников правоохранительных и других органов власти.

УДК 347.426:351.74.08(082)

ББК 67.404.200я431

© Уфимский ЮИ МВД России, 2026

Научное издание

**Причинение вреда правомерными действиями полиции:
вопросы теории и практики правоприменения**

Сборник материалов Международного круглого стола

Редакторы

Ермолаева Е. А.
Гафарова Р. Р.
Сурагулова Г. Ф.

Корректурa,
компьютерная верстка

Гафарова Р. Р.

Дизайн обложки

Латыпова Т. Д.

Дата подписания к использованию: 30.06.2026

Объем издания: 702 МБ (1,2 МБ)

Комплектация издания: 1 электрон. опт. диск (CD-R)

Тираж: 10 дисков

Редакционно-издательский отдел
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Шарова Н. А.</u> ПРЕДЕЛЫ ПРАВОМЕРНОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН.....	5
<u>Рахимов Э. Х.</u> ПРОБЛЕМА КОРРЕЛЯЦИИ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В КОНТЕКСТЕ ЛЕГИТИМНОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ.....	13
<u>Миннигулова Д. Б.</u> ПРАВООТНОШЕНИЕ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ДЕФИНИЦИЯ.....	16
<u>Колесниченко О. В.</u> МЕХАНИЗМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ПОЛИЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	22
<u>Яшин С. В.</u> ДОСЛЕДСТВЕННАЯ ПРОВЕРКА И ПОЛИЦЕЙСКОЕ ДОЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ФИКСАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРАВОМЕРНОСТИ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.....	27
<u>Тарута А. Г.</u> ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ.....	33
<u>Ковалев С. М.</u> ДЕЛИКАТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОМЕРНЫХ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ.....	41
<u>Попова А. В.</u> КОНЦЕПЦИЯ ПРОЕКТА НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ОБРАЩЕНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ И СВЯЗАННЫХ С НИМИ ФИНАНСОВЫХ ОПЕРАЦИЙ В ЦЕЛЯХ СНИЖЕНИЯ РИСКОВ, СВЯЗАННЫХ С ОТМЫВАНИЕМ СРЕДСТВ И ФИНАНСИРОВАНИЕМ ТЕРРОРИЗМА.....	48
<u>Галиуллина Р. Х.</u> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ФИКСАЦИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ.....	52
<u>Фазлиева Л. К.</u> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.....	57
<u>Мельник С. В., Надтачаев П. В., Понтелеева М. А.</u> ПРОБЛЕМА «АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ ОШИБКИ» КАК ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ.....	62

<u>Мельник С. В., Надточаев П. В.</u> ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ.....	66
<u>Морин А. В., Лаврентьев А. Р.</u> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПЕНСАЦИИ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.....	72
<u>Ермолаев О. И.</u> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗНАЧИМОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ СЛУЖЕБНОЙ ПРОВЕРКИ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СВЯЗАННЫХ С ПРИЧИНЕНИЕМ ВРЕДА ДЕЙСТВИЯМИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.....	76
<u>Шухарева А. В.</u> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ОТМЕНЕ ПОСТАНОВЛЕНИЙ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННО- СТИ (ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА СИСТЕМЫ МВД РОССИИ).....	80
<u>Киселева К. А.</u> ЦЕНА ПОРЯДКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ОТ ПРАВОМЕРНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПОЛИЦИИ.....	85
<u>Улимаев Р. Ю.</u> ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРАВОМЕРНОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.....	89
<u>Байбурина А. С.</u> РОЛЬ ПРЕВЕНТИВНЫХ МЕР В МИНИМИЗАЦИИ УЩЕРБА ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ.....	95
<u>Белявская Р. Р.</u> ПРОБЛЕМЫ КОМПЕНСАЦИИ ВРЕДА ЖИЗ- НИ И ЗДОРОВЬЮ ГРАЖДАН, ПОСТРАДАВШИХ ПРИ ПРАВОМЕРНОМ ПРИМЕНЕНИИ ОРУЖИЯ ПОЛИЦИЕЙ.....	100
<u>Рябов С. А.</u> ПРАВОМЕРНОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ЗАКОННЫЕ ОСНОВАНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ.....	105
<u>Халитов О. Ф.</u> ПОСТФАКТУМ-ПЕРЕОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН «ЗНАНИЯ ЗАДНИМ ЧИСЛОМ» В ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ.....	110
<u>Хайруллин А. Г.</u> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПРИ ПРАВОМЕРНОМ ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА СВОИМИ ДЕЙСТВИЯМИ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СВОИХ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ.....	116

УДК 351.74:347.51

Шарова Н. А., преподаватель кафедры
общеправовых дисциплин Караган-
динской академии МВД Республики
Казахстан им. Б. Бейсенова, магистр
юридических наук (Республика Казах-
стан, г. Караганда)

ПРЕДЕЛЫ ПРАВОМЕРНОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье исследуются пределы правомерного причинения вреда сотрудниками полиции в Республике Казахстан. Обосновывается, что правомерность причинения вреда в правоохранительной деятельности определяется не самим фактом осуществления властных полномочий, а строгим соблюдением конституционных принципов, уголовно-правовых условий правомерности, а также специальных требований законодательства о правоохранительной службе и органах внутренних дел. Особое внимание уделено критериям необходимости, соразмерности и целевой обусловленности причинения вреда, а также разграничению правомерного причинения вреда и превышения допустимых пределов применения мер государственного принуждения. Сделан вывод о том, что действующее законодательство Республики Казахстан в целом формирует базовые условия допустимости причинения вреда, однако нуждается в более четком закреплении единых критериев оценки правомерности действий сотрудников полиции и в развитии компенсационных механизмов в отношении лиц, которым вред причинен законными действиями государства.

Ключевые слова: полиция, органы внутренних дел, причинение вреда, правомерность, пределы правомерности, государственное принуждение, необходимая оборона, задержание лица, крайняя необходимость, соразмерность, возмещение вреда, Республика Казахстан.

Проблема причинения вреда сотрудниками полиции занимает особое место в современной юридической науке, поскольку находится на пересечении публичных интересов государства и частных прав личности. С одной стороны, на органы внутренних дел возложены задачи по охране общественного порядка, защите жизни и здоровья граждан, предупреждению и пресечению правонарушений. С другой стороны, сама природа полицейской деятельности предполагает вероятность применения мер принуждения, способных затронуть личную свободу, здоровье, имущество и иные охраняемые законом блага. Закон Республики Казахстан «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» прямо определяет назначение органов внутренних дел как защиту жизни, прав и свобод человека и гражда-

нина, интересов общества и государства, а также указывает, что порядок применения физической силы, специальных средств и оружия определяется законодательством о правоохранительной службе [1].

Именно поэтому центральным в рассматриваемой сфере становится не вопрос о допустимости полицейского вмешательства вообще, а вопрос о его юридических границах. Причинение вреда в деятельности полиции не может оцениваться исключительно с точки зрения результата. Оно должно рассматриваться в системе критериев, включающих наличие законного основания, преследование правомерной цели, необходимость вмешательства, его соразмерность и соблюдение гарантий защиты прав человека. Конституция Республики Казахстан закрепляет, что права и свободы человека принадлежат каждому от рождения, являются абсолютными и неотчуждаемыми, а достоинство человека неприкосновенно [2]. Одновременно конституционный порядок исходит из того, что осуществление прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц и посягать на конституционный строй и общественную нравственность.

Отсюда следует, что пределы правомерного причинения вреда сотрудниками полиции представляют собой не узковедомственную категорию, а сложную межотраслевую конструкцию. Она складывается из конституционных начал, положений уголовного закона об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, специальных норм правоохранительного законодательства и гражданско-правовых механизмов возмещения вреда. Без учета всей этой совокупности невозможно выработать объективный подход к оценке действий сотрудников полиции и к защите прав лиц, пострадавших от избыточного либо незаконного вмешательства.

Конституционно-правовой уровень является исходным для понимания допустимых границ причинения вреда государственными органами. Полицейская деятельность осуществляется не вне прав человека, а именно в целях их защиты. Поэтому всякое причинение вреда со стороны сотрудников полиции должно рассматриваться как исключение из общего правила неприкосновенности личности и имущества, а не как обычный способ реализации власти. Конституционные положения о достоинстве человека, недопустимости жестокого и унижающего обращения, а также об абсолютном характере основных прав придают категории правомерности содержательно ограничительный характер: даже формально разрешенное действие утрачивает качество законности, если оно вступает в явное противоречие с этими базовыми принципами.

В этом смысле пределы правомерного причинения вреда необходимо понимать шире, чем простой перечень полномочий сотрудника полиции. Недостаточно установить, что у должностного лица вообще имелось право на вмешательство. Необходимо также оценить, было ли вмешательство обусловлено конкретной обстановкой, не существовало ли менее обременительных средств достижения законной цели, не оказался ли причинен-

ный вред чрезмерным по отношению к предотвращаемой опасности. Такая постановка вопроса особенно важна потому, что именно в сфере правоохранительной деятельности наиболее высок риск подмены правовой необходимости ведомственной целесообразностью.

Законодательство Республики Казахстан исходит из того, что органы внутренних дел созданы не для применения силы как таковой, а для охраны правопорядка и обеспечения безопасности. Закон об органах внутренних дел закрепляет правозащитную направленность деятельности полиции и одновременно связывает применение принуждения с законодательным порядком и пределами. Это означает, что причинение вреда может быть правомерным только как производное от основной функции защиты, а не как самостоятельная форма реакции государства.

Существенное значение имеет и Закон Республики Казахстан «О правоохранительной службе». Согласно официальному тексту и связанным материалам на правовом ресурсе, при применении физической силы, специальных средств и оружия сотрудник обязан предупредить о намерении их применить, предоставив время для выполнения законных требований, кроме случаев, когда промедление создает непосредственную опасность или иные тяжкие последствия [3]. В правовом смысле это правило имеет более широкое значение, чем сугубо процедурное: оно показывает, что законодатель связывает правомерность силового вмешательства с минимизацией вреда и с необходимостью использовать принуждение как крайнюю, а не первоначальную меру.

Таким образом, уже на уровне специального законодательства можно выделить три исходных ограничителя правомерного причинения вреда. Во-первых, вмешательство должно иметь законную цель. Во-вторых, оно должно осуществляться в установленном порядке. В-третьих, даже при наличии полномочия сотрудник обязан выбирать такой вариант поведения, который в наименьшей степени затрагивает права личности при сохранении эффективности правоохранительной функции. Именно в этих пределах полномочие сохраняет качество законного.

Наиболее четкие критерии правомерного причинения вреда содержатся в уголовном законе. Уголовный кодекс Республики Казахстан относит к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния, необходимую оборону, причинение вреда при задержании лица, совершившего посягательство, крайнюю необходимость и иные случаи, предусмотренные законом [4]. Одновременно кодекс специально выделяет совершение уголовного правонарушения при нарушении условий правомерности необходимой обороны, крайней необходимости и задержания лица как самостоятельный юридически значимый случай. Это показывает, что для казахстанского законодателя решающее значение имеет не только наличие основания для причинения вреда, но и соблюдение пределов такого причинения.

Особое значение имеет нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан о применении законодательства о необходимой обороне, в котором необходимая оборона охарактеризована как неотъемлемое конституционное право каждого на защиту от общественно опасного посягательства [5]. Хотя этот акт относится к общим вопросам уголовного права, его значение для оценки действий полиции весьма велико. Он подтверждает, что правомерность причинения вреда оценивается не по формальному статусу субъекта, а по наличию посягательства, его характеру и соблюдению законных пределов защиты. Следовательно, сотрудник полиции, как и любой иной субъект права, не освобождается от необходимости действовать в пределах правомерности.

В научном плане это позволяет сформулировать важный вывод: статус представителя власти не создает особого «внесистемного» режима допустимости причинения вреда. Напротив, властный статус усиливает требования к обоснованности вмешательства, поскольку причинение вреда со стороны государства затрагивает не только индивидуальные права потерпевшего, но и доверие общества к публичной власти [6; 7].

Пределы правомерного причинения вреда сотрудниками полиции целесообразно раскрывать через совокупность взаимосвязанных критериев.

Первый критерий – законность основания. Вред может быть признан правомерным только тогда, когда для вмешательства существовало предусмотренное законом основание. Само по себе наличие конфликтной или опасной ситуации не заменяет юридического основания. Если у сотрудника отсутствовали полномочия действовать именно таким способом либо фактическая ситуация не соответствовала условиям, установленным законом, причиненный вред не может быть признан правомерным.

Второй критерий – правомерная цель. Причинение вреда допустимо лишь постольку, поскольку оно направлено на защиту жизни и здоровья людей, пресечение общественно опасного поведения, задержание правонарушителя, устранение опасности или достижение иной охраняемой законом цели. Если фактической целью становится наказание, устрашение, месть, демонстрация власти либо упрощение служебной задачи, речь уже идет о выходе за пределы допустимого.

Третий критерий – необходимость. Даже при наличии законной цели причинение вреда должно быть вынужденным. Это предполагает отсутствие реальной возможности достигнуть тот же результат менее обременительными средствами. Именно здесь законодательная обязанность предупреждения о намерении применить силу приобретает значение правового фильтра: если ситуация позволяла решить вопрос без немедленного причинения вреда, применение более жесткой меры должно оцениваться критически.

Четвертый критерий – соразмерность. Причиненный вред не должен явно выходить за пределы, необходимые для достижения законной цели.

Соразмерность выступает центральным признаком правомерности, поскольку именно она позволяет отличить необходимое принуждение от чрезмерного. При этом оценка соразмерности всегда должна быть конкретной: учитываются характер угрозы, поведение лица, обстановка, степень риска для окружающих и иные обстоятельства.

Пятый критерий – уважение человеческого достоинства. Даже законное применение мер принуждения не должно превращаться в унижающее обращение. Конституционные гарантии достоинства человека и запрет жестокого обращения означают, что причинение страданий, не обусловленных необходимостью достижения законной цели, не может считаться правомерным.

Практическая сложность рассматриваемой темы состоит в том, что между правомерным причинением вреда и его неправомерным превышением нередко отсутствует очевидная граница. Формально одно и то же действие может внешне выглядеть как реализация законного полномочия, но при более глубокой проверке обнаруживается, что сотрудник действовал при отсутствии реальной необходимости, применил чрезмерную меру или продолжал причинять вред после прекращения опасности.

Именно поэтому превышение пределов правомерности следует понимать не только как грубое и явное злоупотребление властью, но и как любое существенное отступление от критериев необходимости и соразмерности. Уголовный закон Республики Казахстан, выделяя нарушение условий правомерности необходимой обороны, крайней необходимости и задержания лица, фактически подтверждает: вопрос решается не по схеме «имел право/не имел права», а по схеме «действовал ли в пределах, допустимых законом».

В научной литературе и правоприменении особую проблему вызывает ведомственный подход, при котором факт служебного выполнения задач иногда воспринимается как аргумент в пользу законности сам по себе. Такой подход нельзя признать обоснованным. Служебная необходимость не исключает правовую оценку, а, напротив, требует ее особой тщательности. Чем серьезнее вмешательство в права личности, тем более убедительно должны быть подтверждены его основание, цель и пределы [8; 9].

Законодательство о правоохранительной службе предусматривает, что сотрудники не несут ответственности за вред, причиненный при применении физической силы, специальных средств и оружия, если они действовали на законных основаниях и в установленном порядке. Из этого прямо следует, что освобождение от ответственности носит условный, а не абсолютный характер. Ключевыми юридическими фактами являются именно законность основания и соблюдение порядка. При отсутствии хотя бы одного из этих элементов ссылка на должностной статус сама по себе не устраняет противоправность причинения вреда.

Это положение имеет и более широкий правовой смысл. Государство, предоставляя сотруднику полномочия на применение мер принуждения, одновременно возлагает на него повышенную обязанность действовать профессионально, сдержанно и в пределах закона. Поэтому превышение допустимых пределов должно рассматриваться не как «побочный риск службы», а как юридически значимое нарушение, подлежащее самостоятельной оценке.

Если причинение вреда признано незаконным, на первый план выходят гражданско-правовые способы восстановления нарушенных прав. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) предусматривает ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления и их должностными лицами, а также регулирует компенсацию морального вреда [10]. Конституционный Суд и Верховный Суд в своих актах подтверждают, что моральный вред по общему правилу возмещается при наличии вины причинителя, за исключением специально предусмотренных законом случаев, а при обращении в суд истец должен обосновать факт нарушения личных неимущественных благ и необходимость компенсации [11].

Для темы полицейского вмешательства это означает следующее. Незаконное причинение вреда сотрудником полиции не исчерпывается вопросом о его дисциплинарной или уголовной ответственности. Оно порождает и самостоятельную обязанность по восстановлению нарушенных прав потерпевшего, включая возмещение имущественного ущерба и, при наличии оснований, морального вреда. Тем самым гражданско-правовой механизм выступает важнейшей гарантией против чрезмерного вмешательства государства в частную сферу.

Наиболее интересный и одновременно наименее разработанный вопрос касается вреда, причиненного правомерными действиями сотрудников полиции. Официальное законодательство Казахстана содержит специальные правила возмещения вреда физическим и юридическим лицам, причиненного при пресечении акта терроризма правомерными действиями должностных лиц государственных органов, осуществляющих противодействие терроризму. Кроме того, Закон «О противодействии терроризму» прямо предусматривает утверждение соответствующих правил возмещения [12; 13].

Из этого можно сделать осторожный, но важный вывод: казахстанский законодатель признает саму возможность возникновения обязанности по компенсации вреда даже тогда, когда действия должностных лиц были правомерными. Однако такой механизм выражен преимущественно в специальных, а не в общих нормах. Это дает основание считать, что в обычной полицейской деятельности универсальная модель компенсации правомерно причиненного вреда разработана недостаточно последовательно.

Это уже не прямое положение закона, а вывод из сопоставления общих и специальных актов.

С практической точки зрения данный пробел имеет существенное значение. В отдельных ситуациях лицо может понести серьезный имущественный ущерб или вред здоровью в результате объективно законных действий полиции, совершенных в интересах охраны общественной безопасности. Если подобные случаи не получают ясного компенсационного решения, это негативно влияет и на уровень доверия к государству, и на восприятие справедливости правоприменения.

Представляется, что дальнейшее развитие законодательства в рассматриваемой сфере должно идти по нескольким направлениям.

Прежде всего, целесообразно нормативно конкретизировать единые критерии оценки правомерности причинения вреда сотрудниками полиции. Сейчас такие критерии выводятся из совокупности конституционных принципов, уголовно-правовых институтов и специальных норм о правоохранительной службе. Такой подход в целом работоспособен, однако он оставляет значительное пространство для неодинаковой ведомственной и судебной интерпретации.

Кроме того, представляется оправданным закрепление более ясного подхода к разграничению необходимого и чрезмерного вреда в типичных правоохранительных ситуациях. Речь идет не о детальном описании каждой возможной ситуации, а о законодательном усилении категорий необходимости, минимальной достаточности и соразмерности.

Заслуживает внимания также вопрос о развитии общего компенсационного механизма для лиц, которым существенный вред был причинен правомерными действиями полиции при защите общественных интересов. Наличие специальных правил в антитеррористической сфере показывает, что сама идея такой компенсации уже известна казахстанскому праву. Логичным следующим шагом могла бы стать разработка более общей модели, применимой за пределами специальных антитеррористических случаев.

Наконец, важно обеспечить единообразие правоприменения через судебные разъяснения и стандарты служебной проверки. В делах о причинении вреда полицией принципиальное значение имеет не только окончательная квалификация деяния, но и качество первичной оценки обстоятельств: полнота установления фактов, независимость проверки, внимание к вопросу о возможности менее обременительного вмешательства.

Таким образом, пределы правомерного причинения вреда сотрудниками полиции в Республике Казахстан следует понимать как систему правовых ограничителей, вытекающих из Конституции, уголовного законодательства, законодательства об органах внутренних дел, о правоохранительной службе и гражданско-правовых норм о возмещении вреда. Причинение вреда признается правомерным не потому, что оно совершено представителем власти, а лишь потому, что в конкретной ситуации оно было

законно основано, направлено на достижение охраняемой законом цели, объективно необходимо, соразмерно и осуществлено с соблюдением достоинства личности.

Любое нарушение этих условий означает переход от допустимого государственного принуждения к противоправному вмешательству, влекущему соответствующие виды юридической ответственности и обязанность восстановить нарушенные права. При этом специальное регулирование в сфере противодействия терроризму показывает, что казахстанское право уже допускает компенсацию вреда, причиненного правомерными действиями должностных лиц; следовательно, дальнейшее развитие законодательства может быть связано с более общим и последовательным решением данного вопроса.

Библиографический список

1. Об органах внутренних дел Республики Казахстан : закон Республики Казахстан от 23 апреля 2014 г. № 199-V ЗРК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000199> (дата обращения: 08.04.2026).
2. Конституция Республики Казахстан : принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 18.04.2026).
3. О правоохранительной службе : закон Республики Казахстан от 6 января 2011 г. № 380-IV. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000380/z110380.htm> (дата обращения: 08.04.2026).
4. Уголовный кодекс Республики Казахстан : кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 10.04.2026).
5. О применении законодательства о необходимой обороне : нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 мая 2007 г. № 2. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P07000002S> (дата обращения: 10.04.2026).
6. Баранова Е. А. Институт необходимой обороны в уголовном законодательстве Республики Казахстан. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-neobhodimoy-oborony-v-ugolovnom-zakonodatelstve-respubliki-kazahstan/viewer> (дата обращения: 10.04.2026).
7. Никуленко А. В., Смирнов М. А. Имеются ли пределы допустимого причинения вреда в деятельности сотрудников полиции и Росгвардии // Публично-правовые науки. 2023. № 4. С. 67–73.
8. Гинц Е. М. Возмещение вреда, причиненного сотрудниками полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 6. С. 52–54.
9. Миннигулова Д. Б., Гирвиц А. В. Возмещение вреда, причиненного противоправными действиями (бездействием) сотрудников органов

внутренних дел // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 23, № 3. С. 54–59.

10. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) : кодекс Республики Казахстан от 1 июля 1999 г. № 409-І. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409_ (дата обращения: 12.04.2026).

11. О применении судами законодательства о возмещении морального вреда : нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 г. № 7. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P150000007S> (дата обращения: 12.04.2026).

12. О противодействии терроризму : Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 416-І. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000416_/z990416.htm (дата обращения: 15.04.2026).

13. Об утверждении Правил возмещения вреда физическим и юридическим лицам, причиненного при пресечении акта терроризма правомерными действиями должностных лиц государственных органов, осуществляющих противодействие терроризму : постановление Правительства Республики Казахстан от 3 сентября 2013 г. № 914. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000914> (дата обращения: 15.04.2026).

© Шарова Н. А., 2026

УДК 347.426:351.74.08(470)

Рахимов Э. Х., начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ПРОБЛЕМА КОРРЕЛЯЦИИ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В КОНТЕКСТЕ ЛЕГИТИМНОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Аннотация. Автором исследуется природа правовой коллизии, возникающей в ситуациях, когда правомерная активность сотрудников органов внутренних дел влечет за собой ущерб для частных лиц. Автор подвергает критическому анализу существующие доктрины, разграничивающие классическую деликтную ответственность и современные механизмы публично-правовой компенсации. Особое внимание уделено концепции социальной солидарности и переходу к распределительной модели возмещения ущерба. Итогом исследования выступают авторские предложения по модернизации правового инструментария оценки и порядка выплат.

Ключевые слова: публично-правовой интерес, легитимный вред, полицейская деятельность, критерий пропорциональности, публичные обременения, государственная ответственность, социальный контракт.

Поиск разумного компромисса между мощью государственного принуждения и незыблемостью частной автономии личности неизменно остается в фокусе межотраслевых правовых исследований. Полицейская деятельность, выступая ключевым инструментом реализации общезначимого интереса – безопасности и правопорядка, – имманентно несет в себе риски вторжения в сферу материальных и личных прав граждан. Как справедливо замечает В. В. Лазарев, само по себе законное сужение объема прав и свобод допустимо лишь ради защиты основ конституционного строя. При этом юридические последствия подобного вмешательства нередко оказываются за пределами эффективного правового регулирования [6, с. 14].

Фундаментом любого акта правомерного причинения ущерба выступает доктрина пропорциональности. В юридической науке она трактуется как многоступенчатый тест, проверяющий государственное насилие на легитимность. Речь идет о пригодности конкретной меры для достижения цели, ее строгой необходимости (выбор наименее инвазивного пути) и, наконец, пропорциональности в узком смысле: допустимо ли жертвовать благом индивида ради гипотетической общественной пользы в данной ситуации?

Конфликт интересов обостряется в точке, где все нормативные условия соблюдены, однако частное лицо фактически оказывается в положении «жертвы во благо общества». По мнению Ю. Н. Андреева, акцент в обеспечении баланса неизбежно смещается с превенции самого вреда на создание механизмов его последующего справедливого возмещения [2, с. 145].

Ключевая сложность кроется в правовой квалификации выплат за подобный ущерб. Попытки втиснуть эти отношения в рамки классической цивилистической модели деликта выглядят недостаточно убедительно. Главным препятствием становится категория противоправности. М. И. Брагинский и В. В. Витрянский небезосновательно указывают, что в основе деликтной ответственности всегда лежит виновное нарушение права [4, с. 612], тогда как действия полицейского в рассматриваемом контексте полностью соответствуют закону.

Куда более обоснованной видится концепция равенства перед публичными обременениями. В рамках этой теории (развитой еще Л. Дюги) на государстве лежит обязанность по равномерному распределению издержек своего функционирования [5, с. 89]. Если гражданин несет убытки из-за законных действий полиции, он сталкивается с бременем, выходящим за рамки обычного «цены гражданства». Следовательно, компенсация здесь –

не мера ответственности ведомства, а акт восстановления социальной справедливости.

При определении границ компенсации неизбежно сталкиваются интересы бюджета и право собственности. Большинство правоведов сходятся в необходимости полного возмещения реального ущерба. Однако в вопросе упущенной выгоды единства нет. Д. Н. Бахрах, к примеру, предостерегает от включения гипотетических доходов в объем компенсации, усматривая в этом риск необоснованного обогащения за счет казны [3, с. 210].

Применительно к моральному вреду в доктрине долгое время доминировала идея «общественного терпения»: психологические неудобства от законной деятельности властей считались неизбежным элементом правовой жизни. Лишь в ситуациях, затрагивающих здоровье, приоритет безусловно отдается защите человеческой жизни как высшей ценности [7, с. 45].

Для создания подлинного баланса интересов требуется ряд системных преобразований существующего механизма.

Во-первых, назрела необходимость нормативного обособления «компенсаторного обязательства государства» от институтов деликтной ответственности. Такой шаг позволит судам уйти от бесплодных попыток поиска «вины» там, где ее нет, сосредоточившись исключительно на факте легитимного ущерба.

Во-вторых, целесообразно внедрить презумпцию достоверности первичного акта фиксации вреда. Если повреждение имущества отражено в протоколе следственного действия, обязанность по доказыванию иного (меньшего) размера ущерба должна быть переложена на государственный орган. Это существенно упростит доступ граждан к правосудию.

В-третьих, актуальным видится создание специализированного внесудебного коридора для выплаты компенсаций по бесспорным фактам через структуры Казначейства. Оперативность восстановления прав в данном случае – прямой залог легитимности институтов власти.

Наконец, требует нормативной регламентации категория «принятого риска». Право на компенсацию должно быть существенно ограничено в тех случаях, когда ущерб стал следствием провокационного поведения самого лица, сделавшего применение силы неизбежным.

Гармонизация частного и публичного возможна только при отказе от восприятия компенсации как формы «штрафа». Это объективный долг государства в рамках социального контракта. Только через признание правомерного вреда публичным долгом можно достичь стабильности правопорядка и реальной защиты собственности.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федера-

ции от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. №237; Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 4.

2. Андреев Ю. Н. Ответственность государства за причинение вреда : гражданско-правовые аспекты. СПб. : Юридический центр Пресс, 2013. С. 145.

3. Бахрах Д. Н. Административное право России : учебник. М. : Норма, 2020. С. 210.

4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая. М. : Статут, 2011. С. 612.

5. Дюги Л. Общество, личность и государство. СПб., 1901. С. 89.

6. Лазарев В. В. Правомерное ограничение прав и свобод человека и гражданина // Журнал российского права. 2005. № 6. С. 14.

7. Малеин Н. С. Юридическая ответственность и справедливость. М. : Юрид. лит., 1992. С.45.

© Рахимов Э. Х., 2026

УДК 347.511

Миннигулова Д. Б., профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент (Россия, г. Санкт-Петербург)

ПРАВООТНОШЕНИЕ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ДЕФИНИЦИЯ

Аннотация. Статья посвящена гражданско-правовым аспектам возмещения вреда, причиненного правомерными действиями сотрудников полиции при выполнении служебных обязанностей. Автор анализирует положения Федерального закона «О полиции», Гражданского кодекса РФ и иных нормативных актов, регламентирующих основания и условия применения мер государственного принуждения. Исследуются проблемы отсутствия в законодательстве легального понятия «правомерно причиненный вред», а также сложности правоприменительной практики. Формулируются условия возмещения такого вреда и предлагается вывод о необходимости совершенствования законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: полиция, правомерное причинение вреда, возмещение вреда, меры государственного принуждения, гражданско-правовая

ответственность, сотрудник полиции, имущественный вред, законность, крайняя необходимость, Федеральный закон «О полиции», Гражданский кодекс РФ, судебная практика.

Защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства; противодействие преступности; охраны общественного порядка; охрана собственности; обеспечение общественной безопасности являются фундаментальными задачами полиции на основании ст. 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции) [2].

В целях успешного осуществления вверенных полиции полномочий, ее сотрудники наделяются широкими правами, сопряженными с большим риском причинения вреда здоровью и имуществу физических и юридических лиц. Часть 5 статьи 6 Закона о полиции закрепляет, что применение сотрудником полиции мер государственного принуждения для выполнения обязанностей и реализации прав полиции допустимо только в случаях, предусмотренных федеральным законом. Это означает, что любое причинение вреда должно быть основано на конкретных законодательных нормах и не может осуществляться произвольно. Сотрудники полиции вправе причинять вред при исполнении служебных обязанностей в строго определенных законом случаях, которые связаны с применением мер государственного принуждения, необходимых для выполнения возложенных на них задач.

Гражданско-правовые аспекты возмещения вреда правомерными действиями в общем порядке урегулированы статьей 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), так пункт 3 данной статьи гласит, что вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению только в случаях, прямо предусмотренных законом [3]. Ключевые правовые основания применения мер государственного принуждения сотрудниками, необходимых для выполнения возложенных на них задач закреплены Законом о полиции, [10], [12]. В частности:

1. Пункт 1 статьи 13 указанного закона в качестве права полиции определяет право требовать прекращения противоправных действий, что потенциально может привести к причинению вреда нарушителю.

2. Пункт 13 указанной статьи констатирует право доставлять граждан, а принудительное препровождение лиц в служебные помещения или иные места может предполагать применение физической силы или специальных средств, если это необходимо для обеспечения безопасности или выполнения законных требований сотрудников.

3. Статья 15 Закона о полиции закрепляет право проникать в помещения и на территории, что может сопровождаться повреждением имущества или иными последствиями. В этой статье перечислены конкретные ситуации, когда проникновение сотрудников полиции в поме-

щения и на территории допустимо, даже если это сопряжено с причинением вреда, а именно:

- для спасения жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях;

- для задержания лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, а также лиц, застигнутых на месте совершения ими деяния, содержащего признаки преступления, и (или) скрывающихся с места совершения ими такого деяния, и (или) лиц, на которых потерпевшие или очевидцы указывают как на совершивших деяние, содержащее признаки преступления;

- для пресечения преступления;

- для установления обстоятельств несчастного случая.

При этом сотрудник полиции обязан использовать безопасные способы и средства, с уважением относиться к чести, достоинству, жизни и здоровью граждан, не допускать без необходимости причинения ущерба их имуществу.

4. В статье 14 рассматриваемого закона регламентируются полномочия полиции по задержанию лиц, что также может сопровождаться причинением вреда (например, при сопротивлении задержанного). Задержание допускается в строго определенных случаях, например, для лиц, подозреваемых в совершении преступления, находящихся в розыске, уклоняющихся от исполнения наказания и т. д.

5. Глава 5 (статьи 18–24) Закона о полиции устанавливает порядок и основания применения полицейскими физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, что не исключает возможности причинения материального и нематериального вреда, здесь детализируются условия и порядок применения силы и средств, способных причинить вред.

6. Также часть 2 статьи 18 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [4], устанавливает, что возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, осуществляется за счет средств федерального бюджета в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. При этом вред, причиненный при пресечении террористического акта правомерными действиями здоровью и имуществу лица, участвующего в террористическом акте, а также вред, вызванный смертью этого лица, возмещению не подлежит.

Важно отметить, что любое причинение вреда должно быть соразмерным и необходимым в конкретной ситуации. Превышение полномочий влечет юридическую ответственность. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении

вреда при задержании лица, совершившего преступление» разъясняет, что на сотрудников полиции распространяются нормы ст. 37 и 38 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) при соблюдении установленных законом условий [8].

Если действия сотрудника ОВД соответствуют этим нормам, они считаются правомерными, и он не несет ответственности за причиненный вред. Ответственность наступает только в случае превышения полномочий, то есть совершения действий, явно выходящих за пределы его компетенции и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций. Превышение полномочий регулируется статьей 286 УК РФ [6].

В данном случае предполагается «правомерное» причинение вреда, но имеют место случаи «неправомерного» причинения вреда сотрудниками органов внутренних дел. Обе обозначенные ситуации, причиняя вред, порождают различные правовые последствия. Так, «правомерное» причинение вреда рассматривается в научной литературе, как содействие укреплению законности и поддержание правопорядка, т. е. как гарантии общественной стабильности, вытекающие из институциональных задач органов внутренних дел [10, с. 52] (в случаях, предусмотренных законом ущерб подлежит компенсации на основании ст. 16.1 ГК РФ) [7].

По мнению М. Н. Илюшиной, в текущей судебной практике наблюдаются сложности применения гражданско-процессуального механизма возмещения имущественного вреда, причиненного при осуществлении действий (бездействия) сотрудниками органов внутренних дел. Как уже отмечалось, довольно распространены ситуации, когда сотрудники органов внутренних дел, осуществляя свою деятельность, наносят вред, и иногда довольно значительный, имуществу граждан и юридических лиц [11, с. 21]. Следует признать, что в данном случае имеют место вполне объяснимые издержки указанной профессиональной деятельности. При этом лица, потерпевшие имущественный вред, обращаются за его возмещением, справедливо полагая, что они на это имеют право [11, с. 21].

Вместе с тем возмещение причиненного вреда является мерой обеспечения справедливости и быстрого восстановления имущественного положения потерпевших, что является реализацией миссии правового государства (ст. 1 Конституции Российской Федерации) [1].

Нормативную основу возмещения вреда, причиненного правомерными действиями сотрудников полиции, составляют:

1. Конституция Российской Федерации как основной закон (ст. ст. 1, 2, 8 и т. д.).

2. Первая часть Гражданского кодекса Российской Федерации (ст. ст. 6, 8, 15, 16, 16.1. и т. д.).

3. Вторая часть Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) (гл. 59. Обязательства вследствие причинения вреда, ст.ст. 1064, 1068–1071, 1081, 1100).

4. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 28 декабря 2022 г.) «О полиции» (чч. 3–4 ст. 33).

5. Бюджетный кодекс Российской Федерации [5] (подп. 12.1 п. 1 ст. 158) и иные нормативные правовые акты.

Теория права формулирует правомерные действия как волевое поведение субъектов права, которое соответствует правовым нормам. Это действия, осуществляемые в рамках закона, не нарушающие установленные правила и не причиняющие вреда другим лицам или общественным интересам. Они могут влечь за собой возникновение, изменение или прекращение юридических прав и обязанностей [13].

При совокупном толковании указанных правовых норм и существующих теоретических парадигм возможно заключить, что закон не содержит базовые понятия правомерного причинения вреда сотрудниками полиции, мы можем лишь имплицитно сформулировать понятие правомерно причиненного вреда, к примеру В. А. Белов формулирует понятие «правомерно причиненный вред» как вред, причиненный по прямому разрешению (дозволению) нормы объективного права [9, с. 513]. Следует согласиться с таким определением правомерно причиненного вреда, ведь закон содержит специальные нормы на этот счет, которые были обозначены выше.

Также отсутствует такой фундаментальный институт как возмещение вреда, причиненного правомерными (предусмотренными законом) действиями, поэтому правоприменитель вынужден пользоваться аналогией закона и использовать статью 1067 ГК РФ, устанавливающую возмещение вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости. Ведь ст. 8 ГК РФ среди оснований возникновения гражданских прав и обязанностей называет «причинение вреда другому лицу».

Таким образом, возможно сформулировать понятие гражданско-правового отношения по возмещению вреда, причиненного правомерными (определенно предусмотренными законом) действиями (не бездействием) сотрудников полиции как гражданско-правовое обязательство, в силу которого одно лицо (кредитор, т. е. граждане, юридические лица и другие субъекты гражданского права) имеет право требовать от другого лица (должника, а именно Российской Федерации в лице МВД России, а взыскание производится за счет казны Российской Федерации) возмещения правомерно (в силу определенного указания закона) причиненного ему вреда (имущественного и неимущественного), этими действиями должник обязан удовлетворить требования кредитора, но лишь в случае прямого указания закона о возникновении обязанности возместить вред,

причиненный правомерными (законными) действиями сотрудников полиции.

Таким образом, обязательства по возмещению вреда своим основанием имеют факт причинения вреда, который возмещается в силу прямого указания закона о возникновении обязанности возместить вред, причиненный правомерными (законными) действиями сотрудников полиции.

Таким образом, к условиям возмещения вреда в исследуемом случае стоит отнести:

1. Правомерность действий сотрудников полиции. Действия должны соответствовать закону, должностным инструкциям и выполняться в рамках полномочий сотрудников.

2. Причинение вреда. Должен быть доказан факт причинения физического, имущественного или морального ущерба.

3. Причинно-следственная связь между правомерными действиями сотрудников полиции и вредом. Необходимо установить причинно-следственную связь между правомерными действиями сотрудников и наступившим вредом.

4. Общественная необходимость действий сотрудников полиции. Действия должны были совершаться в интересах защиты общественных или государственных интересов, что часто характерно для деятельности полиции.

5. Возмещение осуществляется в силу прямого указания закона о возникновении обязанности возместить вред.

Таким образом, в настоящее время вред, причиненный правомерными действиями сотрудников полиции, по общему правилу не подлежит возмещению. Для изменения ситуации требуется внесение изменений в законодательство, прямо предусматривающих такие случаи и порядок возмещения вреда. На практике потерпевшие часто пытаются обосновать свои требования через иные правовые механизмы (например, доказывая противоправность действий), но это относится к сфере возмещения вреда за незаконные действия.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237; СЗ РФ. 2020. № 4.

2. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. 8 февраля.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

4. О противодействии терроризму : федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Российская газета. 2016. 10 марта. № 48.

5. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Российская газета. 1998. 12 августа.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 декабря. № 238–239.

8. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8306/> (дата обращения: 05.05.2026).

9. Белов В. А. Гражданское право в 2 т. Том 1. Общая часть : учебник для вузов / В. А. Белов. М : Юрайт, 2026. 451 с. // Образовательная платформа Юрайт. URL: <https://urait.ru/bcode/584221> (дата обращения: 05.05.2026).

10. Гинц Е. М. Возмещение вреда, причиненного сотрудниками полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 6. С. 52 – 54.

11. Илюшина М. Н. Регрессные требования Министерства финансов Российской Федерации в механизме возмещения имущественного вреда, причиненного незаконными действиями работников полиции // Гражданское право. 2019. № 2. С. 21–25.

12. Кукушкин С. Н., Рамазанова К. К. Вопросы деликтной ответственности за вред, причиненный сотрудниками органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 181–186.

13. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. В. К. Бабаева. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2026. 620 с. // Образовательная платформа Юрайт. URL: <https://urait.ru/bcode/590548> (дата обращения: 05.05.2026).

УДК 347.513

Колесниченко О. В., профессор кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент (Россия, г. Москва)

МЕХАНИЗМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ПОЛИЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В настоящей статье исследуются подходы к толкованию и применению норм законодательства о возмещении вреда, причиненного правомерными действиями полиции. Автор обращает внимание на то, что противоречия между положениями Гражданского кодекса Российской Федерации и источниками специального нормативного правового регулирования приводят к попыткам применения к исследуемым отношениям норм о возмещении вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости, а также предложениям по исключению из числа обязательных условий для заявления регрессных исков условия о неправомерности действий (бездействия) сотрудников полиции. Обосновывается, что преодоление существующих противоречий требует разработки подробных разъяснений для правовых подразделений МВД России, указывающих на необходимость: правильного толкования и применения норм о допустимости возмещения правомерно причиненного вреда только при наличии прямого указания в законе; занятия активной позиции при заявлении требований о возмещении вреда, причиненного правомерными действиями сотрудников полиции, к Казне Российской Федерации.

Ключевые слова: причинение вреда, правомерный, имущественный вред, физический вред, деликтная ответственность, крайняя необходимость.

В цивилистической доктрине существенное внимание уделено правовым проблемам возмещения вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) сотрудников полиции, в частности, специфике определения условий для такого возмещения (противоправности, вины, причинной связи, размера вреда) [5, с. 96; 7, с. 54]. В то же время запрос практических подразделений МВД России направлен также и на обоснование четкой правовой позиции для ситуаций правомерного причинения вреда сотрудниками в рамках исполнения своих служебных обязанностей.

Не будучи столь предметно исследованными в науке и освещенными в разъяснениях высшей судебной инстанции, такие ситуации несвободны от проблем, обусловленных противоречивым толкованием норм действующего законодательства.

Наиболее распространенными ситуациями правомерного причинения вреда действиями полиции являются:

1. Причинение имущественного ущерба в результате проникновения в жилые и иные помещения, земельные участки, принадлежащие гражданам и организациям, в рамках реализации полномочий, предоставляемых сотрудникам полиции согласно ст. 13 Федерального закона от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ № 3-ФЗ).

2. Нанесение физического вреда, причинение имущественного ущерба в результате применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, допустимого в строго определенных случаях, таких, как задержание лица, застигнутого при совершении преступления и пытающегося скрыться (ст. 19 ФЗ № 3-ФЗ). Частным случаем применения специальных средств является осуществление принудительной остановки автомобиля – особой меры, применяемой в том случае, если нарушитель многократно не реагирует на требования об остановке, пытается скрыться и создает угрозу здоровью и жизни людей. Условия правомерного применения принудительной остановки транспортного средства предметно регламентированы п. 59 приказа МВД России от 2 мая 2023 г. № 264 «Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения».

3. Причинение имущественного ущерба при использовании средств связи, транспортных средств, принадлежащих организациям и гражданам (для передачи оперативной информации, преследования правонарушителя и т. п.).

Следует иметь в виду, что в силу положений п. 3 ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) правомерное причинение вреда влечет за собой обязанность по его возмещению только в том случае, если это прямо предусмотрено нормативным правовым актом, имеющим силу закона. При этом в специальном законодательстве и судебной практике установлены некоторые ограничения, препятствующие взысканию компенсации за правомерное причинение вреда, связываемое с исполнением своих служебных обязанностей сотрудниками полиции.

В особенности, п. 9 ст. 18 ФЗ № 3-ФЗ прямо указывает на то, что применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, при условии правомерности совершения этих действий, не влечет за собой обязанности по возмещению вызванного ими вреда. В судебной практике особое внимание обращается на то, что независимо от

категории реализуемых полномочий (которые могут быть не связаны с применением специальных средств и т. п.), при правовой оценке действий (бездействия) представителя власти следует исходить из презумпции их соответствия закону [1–3]. Наконец, из системного толкования положений ст.ст. 15, 1064, 1069 ГК РФ следует, что для заявления требований о возмещении вреда, в том числе применительно к последствиям действий полиции, обязательным является доказательство не только факта причинения вреда и его размера, но и противоправности таких действий, наличия причинной связи между вредом и совершенными действиями. Поведение правонарушителя, активно противодействующего выполнению сотрудником полиции своих служебных обязанностей, признается прерывающим причинную связь между таким выполнением и нанесенным имущественным или физическим вредом.

Однако специальное нормативное правовое регулирование не всегда следует логике ГК РФ в части, касающейся исключительного характера случаев возмещения правомерно причиненного вреда. Так, в частности, базовый федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» [10] либо прямо указывает на возложение обязанности по возмещению вреда или освобождение от нее, либо в принципе никак не регламентирует этот вопрос. В последнем случае без каких-либо примечаний перечисляются права полиции, реализация которых предполагает повышенный риск наступления неблагоприятных последствий для нарушителя или иных субъектов (вреда здоровью или имущественного вреда).

Такая двусмысленность способствует развитию порочной правоприменительной практики. В особенности речь идет о применении к рассматриваемым отношениям ст. 1067 ГК РФ о возмещении вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости, которое признается обоснованным, в значительной степени, под влиянием уголовно-правового учения об обстоятельствах, исключающих преступность деяния. В таких случаях общим правилом является возмещение вреда субъектом, причинившим вред (Казной РФ – если соответствующие действия совершены сотрудником полиции), и лишь в порядке исключения – лицом, создавшим ситуацию, способствующую наступлению неблагоприятных последствий для жизни, здоровья, имущества в отношении самого себя и (или) третьих лиц. Любопытно, что такой подход находит свою поддержку в доктрине гражданского права, где также отмечается, что возложение обязанности возместить причиненный вред в рассматриваемых ситуациях проистекает из требований добросовестности, разумности и справедливости, к которым надлежит обращаться при отсутствии специального нормативного правового регулирования (ст. 6 ГК РФ об общих началах гражданского законодательства) [6, с. 88; 9, с. 33].

Впрочем, наиболее радикальным представляется утверждение о том, что, принимая на себя обязанность возместить вред, причиненный

правомерными действиями полиции, Казна Российской Федерации должна иметь возможность компенсировать понесенные потери посредством обращения обратного (регрессного) требования к сотруднику. На основе этого тезиса предлагается рассматривать случаи правомерного причинения вреда сотрудниками полиции в качестве специального основания для заявления регрессных исков (где условие о противоправности не является обязательным). В качестве балансирующей меры обосновывается необходимость введения специального социального страхования сотрудников полиции, частично компенсирующего их затраты, вызванные возмещением правомерного вреда [8, с. 122].

Представляется, что реализация этих предложений противоречит не только нормам ГК РФ о деликтных обязательствах и положениям цивилистической доктрины о функциях деликтной ответственности (превентивной, компенсирующей, охранительной), но и назначению полиции. Здесь нелишне привести пример, в котором сотрудник ГИБДД, не предпринявший своевременных мер по принудительной остановке транспортного средства правонарушителя, был привлечен судом к солидарной ответственности за вред, причиненный третьим лицам, вместе с правонарушителем (по правилам ст. 1080 ГК РФ) [4]. Действительно, реализуя свои силовые и иные полномочия, предусмотренные ст. 13 ФЗ № 3-ФЗ, сотрудники полиции нередко рискуют собственной жизнью в целях защиты прав и законных интересов граждан и организаций. В то же время, возложение на них обязанностей по возмещению вреда при совершении правомерных действий демотивирует к принятию эффективных и обоснованных мер для такой защиты.

В целях преодоления существующих противоречий представляется необходимой подготовка подробных разъяснений для правовых подразделений МВД России, указывающих на необходимость:

1) правильного толкования и применения положений действующего законодательства о допустимости возмещения правомерно причиненного вреда только при наличии прямого указания в законе, а также обязательности ссылки в своих возражениях на презумпцию правомерности действий (бездействия) сотрудников полиции;

2) занятия активной позиции при заявлении требований о возмещении вреда, причиненного правомерными действиями сотрудников полиции, к Казне Российской Федерации.

Библиографический список

1. Апелляционное определение Следственного комитета по гражданским делам Вологодского областного суда от 6 марта 2023 г. по делу № 33-656/2023 // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 15.04.2026).

2. Определение СК по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 9 апреля 2024 г. по делу № 8Г-5912/2024[88-8843/2024] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 15.04.2026).

3. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30 октября 2024 г. № Ф04-10010/14 // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 15.04.2026).

4. Решение Московского городского суда от 19 ноября 2025 г. по делу № 7-14468/2025 // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 15.04.2026).

5. Корнеева О. В. Противоправность (незаконность) действий (бездействия) сотрудника органов внутренних дел как условие возмещения вреда в порядке регресса : проблема доказывания в контексте обеспечения гарантий профессиональной деятельности // Журнал российского права. 2018. № 6 (258). С. 96–104.

6. Литвинов А. В., Андреев П. Г., Огородников М. А. Правовые и организационные аспекты осуществления преследования транспортных средств в условиях применения специальных сигналов на транспортных средствах ДПС ГИБДД // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2 (99). С. 88–97.

7. Миннигулова Д. Б., Гирвиц А. В. Возмещение вреда, причиненного противоправными действиями (бездействием) сотрудников органов внутренних дел: условия и особенности ответственности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 23. № 3. С. 54–59.

8. Черепанова О. С. Возмещение и компенсация вреда, причиненного правомерными действиями правоохранительных органов // Алтайский юридический вестник. 2016. № 1 (13). С. 122–126.

9. Ярошик О. Д. О возможности применения маневра водителем транспортного средства и его действия в состоянии крайней необходимости // Евразийская адвокатура. 2023. № 1 (60). С. 33–38.

10. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. 8 февраля.

УДК 343.140.02

Яшин С. В., доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Санкт-Петербург)

ДОСЛЕДСТВЕННАЯ ПРОВЕРКА И ПОЛИЦЕЙСКОЕ ДОЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ФИКСАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРАВОМЕРНОСТИ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация. В статье анализируются теоретические и практические проблемы доказывания правомерности действий сотрудников полиции на стадии возбуждения уголовного дела. Автор выявляет дисбаланс между достаточностью данных для возбуждения дела в отношении граждан и необходимым объемом доказательств для отказа в возбуждении дела в отношении полицейского. Рассматриваются нерешенные вопросы процессуального статуса материалов доследственной проверки, механизма легализации видеозаписей и фиксации правомерного применения силы. Обосновывается необходимость законодательного закрепления процедур собирания доказательств на начальном этапе уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: доказывание, стадия возбуждения уголовного дела, сотрудник полиции, правомерность действий, видеодоказательства, доследственная проверка, стандарт доказывания, уголовное преследование, допустимость доказательств, УПК РФ, фиксация, баланс интересов.

В уголовно-процессуальной науке до настоящего времени сохраняется дискуссия о природе, целях и пределах доказывания на стадии возбуждения уголовного дела. Одни авторы (В. Н. Григорьев, А. В. Победин) рассматривают эту стадию как исключительно проверочную, где не может идти речи о полноценном доказывании [4, с. 15]. Другие (Б. Т. Безлепкин, С. А. Шейфер) настаивают на том, что собирание и оценка доказательств начинаются именно с момента получения первого сообщения о преступлении [14, с. 78].

Особую остроту эта дискуссия приобретает применительно к ситуациям, когда объектом проверки выступают сами действия сотрудников полиции. Каковы критерии достаточности данных для принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении полицейского? Каков стандарт доказывания на этом этапе? Эти вопросы не имеют удовлетворительного теоретического разрешения.

В теории уголовного процесса до сих пор не решен вопрос о том, являются ли материалы, собранные в ходе доследственной проверки, доказа-

тельствами в полном смысле этого слова или лишь «иными документами», подлежащими последующей легализации. Статья 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) относит к доказательствам любые сведения, на основе которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию [11]. Однако механизм трансформации результатов оперативно-розыскной деятельности и проверочных действий в доказательства прописан фрагментарно и противоречиво [7, с. 112].

Наблюдается парадоксальная ситуация: для возбуждения уголовного дела в отношении «обычного» гражданина достаточно «достаточных данных, указывающих на признаки преступления» (ч. 2 ст. 140 УПК РФ) [11]. Для отказа в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудника полиции (то есть для подтверждения правомерности его действий) требуется фактически полное отсутствие состава преступления, что доказывается в условиях, когда сам сотрудник часто не является процессуальной фигурой, а выступает лишь объектом проверки. Этот дисбаланс требует теоретического осмысления и выработки единых подходов [15, с. 56].

Действующий УПК РФ ориентирован преимущественно на фиксацию преступлений и лиц, их совершивших. Процедуры фиксации правомерных действий (например, применения физической силы или специальных средств в рамках закона «О полиции») практически не регламентированы. Как следствие, сотрудники полиции, действуя правомерно, часто не могут впоследствии подтвердить этот факт процессуальными средствами, поскольку алгоритм такой фиксации отсутствует [12].

Существует рассогласованность между:

- Федеральным законом «О полиции» (регулирует основания и порядок применения силы) [12];
- УПК РФ (регулирует порядок собирания доказательств) [11];
- Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (регулирует проведение ОРМ) [13].

Действия, правомерные с точки зрения полицейского законодательства (например, преследование с применением оружия), могут не иметь адекватного механизма процессуального закрепления. Оперативно-розыскные мероприятия проводятся по одним правилам, а их результаты должны быть легализованы по другим, причем на стадии возбуждения уголовного дела эти правила еще более размыты [2, с. 203].

Глава 52 УПК РФ устанавливает особый порядок возбуждения уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц, включая сотрудников правоохранительных органов [11]. Однако процедура получения заключения суда о наличии признаков преступления в действиях полицейского опирается на материалы проверки, качество сбора которых законодательно не обеспечено. Возникает замкнутый круг: для получения судебного реше-

ния нужны качественные материалы, а механизм их качественного сбора не прописан [8, с. 67].

Практика показывает, что наиболее критичные для доказывания правомерности действий полицейских доказательства утрачиваются именно на стадии возбуждения уголовного дела. Несвоевременный осмотр места происшествия, неприобщение видеозаписей с камер наружного наблюдения, отсутствие опроса очевидцев (которые впоследствии могут быть не найдены) – типичные ошибки, делающие невозможным установление истины в дальнейшем [9, с. 34].

Статистика свидетельствует, что подавляющее большинство уголовных дел, возбуждаемых в отношении сотрудников полиции по фактам превышения должностных полномочий, заканчиваются оправдательными приговорами или прекращением дела за отсутствием состава преступления (по некоторым данным, до 70 %). Это говорит о том, что на стадии возбуждения дела не были собраны доказательства, объективно отражающие ситуацию, и решение принималось на основе односторонних данных [3, с. 24].

Проблема использования видеозаписей как доказательств.

В условиях тотальной видеофиксации, когда количество камер наблюдения в мире приближается к миллиарду, а каждый второй взрослый человек имеет при себе смартфон с возможностью видеозаписи, видеодоказательства становятся не просто дополнительным, а зачастую основным источником информации о событиях с участием сотрудников полиции. Нателные регистраторы, камеры наружного наблюдения, записи очевидцев – все это формирует принципиально новую доказательственную среду. Однако именно на стадии доследственной проверки и полицейского дознания, когда решается судьба заявлений о неправомерных действиях сотрудников, возникают наиболее острые и неразрешенные проблемы использования видеозаписей [10, с. 90].

Ключевая проблема, возникающая на стадии возбуждения уголовного дела, – отсутствие четкого процессуального механизма получения видеозаписей от очевидцев и владельцев камер. В идеале, когда свидетель записывает событие на смартфон, он должен передать устройство сотрудникам полиции для экспертного изъятия видео в криминалистически значимом виде. Однако на практике происходит иначе: сотрудники получают видео через мессенджеры, электронную почту, AirDrop, что неизбежно ведет к сжатию, изменению метаданных и утрате информации [10, с. 92].

Современные технологии позволяют монтировать видео и изменять его содержание без видимых следов вмешательства. Когда в распоряжении следствия оказывается не оригинальный файл с устройства, а его копия, пересланная через мессенджер, провести полноценную экспертизу на предмет монтажа становится невозможно. Защита сотрудника полиции, в

отношении которого проводится проверка, вправе заявить, что представленная запись неполна или сфальсифицирована [6, с. 148].

Возникает классическая дилемма: либо признавать такие записи недопустимыми (и терять ключевое доказательство), либо принимать их с оговорками (и рисковать осуждением на основе потенциально недостоверной информации). На стадии доследственной проверки эта дилемма усугубляется отсутствием состязательности и механизмов проверки доказательств. Даже если запись аутентична, она может не отражать полную картину событий. Камера может включаться с задержкой, иметь мертвые зоны, фиксировать происходящее под одним углом, который не передает всей сложности ситуации [2, с. 305].

Сложности доказывания правомерности применения оружия.

Доказывание правомерности применения огнестрельного оружия требует специальных познаний (баллистическая, ситуационная, медико-криминалистическая экспертизы). Однако назначение экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела – исключение, а не правило. К моменту, когда экспертиза будет назначена (уже после возбуждения дела), многие важные следы могут быть утрачены [6, с. 152].

Обеспечение баланса между защитой прав граждан и защитой сотрудников от необоснованного преследования. С одной стороны, общество требует жесткого контроля за действиями полиции и наказания за любые превышения полномочий. С другой стороны, сотрудники, добросовестно выполняющие служебный долг в экстремальных ситуациях, должны быть защищены от необоснованного уголовного преследования, которое может быть инициировано, в том числе, по надуманным основаниям [3, с. 26].

Качество фиксации доказательств на стадии возбуждения дела напрямую определяет, будет ли восстановлена справедливость в обоих случаях. Некачественная проверка приводит либо к уходу от ответственности виновных полицейских, либо к многолетним тяжбам невиновных сотрудников за свою репутацию и свободу [15, с. 60].

Общественное доверие к правоохранительной системе. Каждый резонансный случай применения силы полицией становится предметом общественной дискуссии. Отсутствие прозрачного и эффективного механизма проверки таких фактов, невозможность оперативно и достоверно установить истину подрывают доверие к правоохранительной системе в целом. Совершенствование процедур фиксации доказательств на начальном этапе – вклад в легитимность полицейской деятельности [5, с. 180].

Своевременная и полная фиксация доказательств позволяет:

- потерпевшим от неправомерных действий – быстрее добиться возбуждения дела и наказания виновных;
- добросовестным сотрудникам – исключить ложные обвинения;
- следственным органам – принимать законные и обоснованные решения, не затягивая процесс [9, с. 38].

Принципиальным выводом статьи является констатация неопределенности статуса материалов, собранных в ходе следственной проверки. Отнесение их к «иным документам» (ст. 84 УПК РФ) либо к полноценным доказательствам (ст. 74 УПК РФ) не имеет однозначного законодательного разрешения. Механизм трансформации результатов оперативно-розыскной деятельности и проверочных действий в доказательства прописан фрагментарно, что создает почву для последующей оценки собранных материалов как недопустимых и влечет утрату доказательственной базы [14, с. 156].

Существует парадоксальный дисбаланс: для возбуждения уголовного дела в отношении обычного гражданина достаточно «достаточных данных, указывающих на признаки преступления» (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Для отказа в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудника полиции (подтверждения правомерности его действий) требуется фактически полное отсутствие состава преступления. При этом сам сотрудник не является процессуальной фигурой, а выступает лишь объектом проверки, что ограничивает его возможности по представлению доказательств своей невиновности. Данный дисбаланс требует законодательного разрешения и выработки единых подходов к стандартам доказывания [7, с. 205].

Ключевым выводом статьи является констатация того, что действующий УПК РФ ориентирован преимущественно на фиксацию преступлений и лиц, их совершивших. Процедуры фиксации правомерных действий (применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия в рамках Федерального закона «О полиции») практически не регламентированы. Как следствие, сотрудники, действуя правомерно, часто не могут впоследствии подтвердить этот факт процессуальными средствами ввиду отсутствия законодательно закрепленного алгоритма такой фиксации [12].

Библиографический список

1. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России : учебное пособие. 8-е изд., перераб. и доп. М. : КНОРУС, 2020. 496 с.
2. Волынский А. Ф. Криминалистика : учебник для вузов / А. Ф. Волынский, Т. В. Аверьянова, И. Ф. Герасимов [и др.]; под ред. А. Ф. Волынского. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 615 с.
3. Гаврилов Б. Я. Обеспечение прав и законных интересов граждан в уголовном судопроизводстве : современные проблемы // Российская юстиция. 2022. № 1. С. 22–28.
4. Григорьев В. Н. Возбуждение уголовного дела: проблемы теории и практики : монография / В. Н. Григорьев, А. В. Победкин. М. : Юрлитинформ, 2019. 312 с.

5. Еникеев З. Д. Проблемы эффективности мер уголовно-процессуального принуждения / З. Д. Еникеев. Уфа : РИЦ БашГУ, 2020. 312 с.
5. Корухов Ю. Г. Судебная экспертиза в уголовном процессе: практическое пособие для следователей и судей / Ю. Г. Корухов. М. : Норма, 2021. 320 с.
6. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 358 с.
7. Маслов И. В. Особый порядок возбуждения уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц : проблемы правоприменения // Российский следователь. 2022. № 3. С. 65–71.
8. Петров А. В. Типичные ошибки при производстве доследственных проверок по сообщениям о преступлениях, совершенных сотрудниками полиции // Законность и правопорядок. 2023. № 2. С. 32–39.
9. Смирнов А. В. Использование видеозаписей в доказывании по уголовным делам : процессуальные и криминалистические аспекты // Уголовный процесс. 2022. № 8. С. 88–97.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 1 июля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
11. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 4 августа 2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
12. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
13. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : Норма, 2018. 240 с.

УДК 34.03

Тарута А. Г., преподаватель кафедры
тактико-специальной подготовки
Сибирского юридического института
МВД России (Россия, г. Красноярск)

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются правовые основания использования полицией беспилотных воздушных судов, пределы правомерности таких действий, а также гражданско-правовые, административные и конституционно-правовые риски, возникающие при причинении вреда третьим лицам.

Ключевые слова: полиция, беспилотное воздушное судно, правомерность, вред третьим лицам, ответственность, соразмерность, общественная безопасность, МВД России.

Технологическое развитие современного государства неизбежно ведет к расширению сферы применения беспилотных систем. Для России этот процесс имеет не только прикладное, но и мировоззренческое значение: сильное и суверенное государство обязано использовать передовые технические средства там, где они реально повышают безопасность людей, сокращают время реагирования и позволяют эффективнее защищать общественный порядок. В этой логике использование полицией беспилотных воздушных судов представляет собой не дань моде, а закономерный этап развития правоохранительной деятельности.

Федеральный законодатель уже закрепил прямое право полиции использовать беспилотные воздушные, подводные и надводные суда и аппараты, а также иные автоматизированные беспилотные комплексы при документировании обстоятельств преступлений, административных правонарушений и происшествий, в том числе в общественных местах [2, с. 144]. Эти положения были существенно конкретизированы после изменений 2023 года в Федеральный закон «О полиции». Одновременно действует специальный порядок МВД России, определяющий принятие решений о пресечении функционирования беспилотных аппаратов в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан, сотрудников органов внутренних дел, а также при проведении неотложных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и охране массовых мероприятий.

Однако сама правомерность использования беспилотных воздушных судов полицией не снимает вопроса о возможном причинении вреда третьим лицам. Речь идет о вреде физическому здоровью, имуществу, частной

жизни, репутации, информационной безопасности, а также о косвенных убытках, возникающих из-за ошибок навигации, падения аппарата, утраты управления, несанкционированного сбора данных или неправильного выбора способа пресечения полета другого дрона. Чем шире внедряются такие средства, тем острее становится проблема правовых границ и ответственности.

Ключевой отправной точкой является Федеральный закон «О полиции». В действующей редакции он прямо допускает использование полицией беспилотных аппаратов, технических средств, аудио-, фото- и видеофиксации при документировании преступлений, административных правонарушений и происшествий, а также для фиксации действий самих сотрудников полиции. Тем самым беспилотное воздушное судно в деятельности полиции выступает не как факультативный технический эксперимент, а как признанное законом средство выполнения публичных задач.

Для правильной квалификации рассматриваемых отношений важно и понимание того, что российское воздушное законодательство выделяет беспилотные воздушные суда (далее – БВС) как особую разновидность воздушных судов. Воздушный кодекс определяет беспилотное воздушное судно как воздушное судно, управляемое внешним пилотом, находящимся вне борта. Тем самым законодатель исходит из того, что БВС – это объект повышенной технической и правовой значимости, который при определенных обстоятельствах способен создавать риски для неопределенного круга лиц.

Следовательно, правомерное использование полицией БВС опирается сразу на несколько юридических уровней: общий уровень публичной компетенции полиции; специальный уровень ведомственного порядка; отраслевой уровень воздушного законодательства; конституционный уровень, ограничивающий возможное вмешательство в частную сферу граждан. Такое сочетание позволяет говорить о законности института в целом, но не освобождает правоприменителя от обязанности каждый раз проверять, соблюдены ли основания, цель, пределы и способ использования беспилотной техники.

Сам по себе факт наличия у полиции полномочия использовать БВС не означает допустимости любого полета, любой съемки и любого способа воздействия на воздушную обстановку. Российское право исходит из того, что деятельность полиции должна соответствовать принципу законности и быть направлена на защиту прав и свобод, а не на их произвольное ограничение. Федеральный закон «О полиции» прямо закрепляет, что сотрудник полиции обязан стремиться к минимизации любого ущерба.

Для определения «причинение вреда третьим лицам» этот принцип имеет фундаментальное значение [3, с. 437]. Он означает, что правомерность использования БВС складывается из нескольких обязательных элементов.

Во-первых, должна быть законная цель – к числу таких целей относятся документирование правонарушений и происшествий, обеспечение безопасности, поиск лиц и объектов, контроль обстановки в общественных местах, проведение неотложных мероприятий. Если дрон применяется вне связи с этими задачами, возникает риск выхода за пределы компетенции.

Во-вторых, должна присутствовать необходимость – использование БВС должно быть оправдано конкретной оперативной, следственной, профилактической или охранительной задачей. Если те же цели могли быть достигнуты менее вмешательским способом, например, стационарной камерой, наземным патрулем или ограничением периметра, то правомерность воздушного наблюдения будет вызывать сомнения.

В-третьих, обязательна соразмерность – чем выше потенциальный риск для окружающих (падение аппарата, шумовое воздействие, вторжение в частную сферу, нарушение привычного функционирования объекта), тем более весомыми должны быть публичные основания применения БВС.

В-четвертых, имеет значение надлежащая процедура – кто принял решение, в каком режиме, с какой фиксацией, какие меры безопасности были предприняты, были ли учтены погодные условия, наличие скопления людей, близость жилой застройки, электросетей, объектов транспорта и иной критической инфраструктуры.

Именно нарушение одного из этих элементов обычно превращает формально «законное» применение техники в юридически уязвимое действие [4, с. 840].

При использовании БВС полицией возможно причинение нескольких групп вреда:

1. Физический вред жизни и здоровью. Наиболее очевидный риск связан с падением аппарата, столкновением с человеком, транспортным средством или объектом инфраструктуры. Даже небольшой дрон при потере управления или механическом отказе способен причинить телесные повреждения. Если применение происходит вблизи толпы, на массовом мероприятии, возле школы, больницы, транспортного узла или жилого массива, цена ошибки возрастает многократно.

Особенно сложной является ситуация, когда полиция не просто использует собственный БВС, а пресекает функционирование чужого дрона путем подавления или преобразования сигнала, воздействия на пульт управления либо иными способами, допускаемыми специальным порядком МВД. В этом случае возникает риск непредсказуемого падения аппарата на третьих лиц или их имущество. Следовательно, любое решение о пресечении функционирования должно учитывать не только опасность исходного дрона, но и сопутствующий вред, который может возникнуть от самого способа пресечения.

2. Имущественный вред. Речь идет о повреждении автомобилей, крыш, окон, линий связи, торговых объектов, рекламных конструкций, сельскохозяйственных насаждений и иного имущества. В отличие от физического вреда, такой ущерб нередко воспринимается как «второстепенный», хотя для собственника он может быть весьма существенным.

3. Вред праву на частную жизнь и персональные данные. Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Закон о персональных данных направлен на защиту прав и свобод человека и гражданина при обработке персональных данных. Поэтому сбор, хранение, использование и распространение информации, полученной с БВС, требуют строгой правовой дисциплины, особенно если съемка затрагивает жилые помещения, частные домовладения, маршруты перемещения конкретных граждан, номера автомобилей, биометрически значимые изображения лиц или иные сведения, позволяющие идентифицировать человека.

Даже если сам полет осуществлялся законно, последующее обращение с данными может породить самостоятельное правонарушение. Утечка видеoarхива, несанкционированный доступ к материалам, использование записей вне первоначальной цели, публикация в сети – все это способно причинить гражданам самостоятельный вред, в том числе моральный.

4. Репутационный и психологический вред. Присутствие полицейского БВС в жилом квартале, во дворе частного дома или над территорией проведения мероприятия может восприниматься гражданами как вторжение в личную сферу, даже если формально оно законно. Ошибочная фиксация лица как участника правонарушения, демонстрация частной жизни посторонних граждан на служебных видеоматериалах, необоснованное длительное наблюдение создают риск морального вреда и подрывают доверие к полиции.

Вопрос о вреде третьим лицам относится к гражданскому праву [1, с. 44]. Для таких ситуаций в российском праве особенно значимы статьи 1069 и 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Статья 1069 ГК РФ предусматривает возмещение вреда, причиненного гражданину или юридическому лицу незаконными действиями или бездействием государственных органов либо их должностных лиц. Это означает: если вред причинен вследствие нарушения правил эксплуатации БВС, выхода за пределы компетенции, несоблюдения процедуры, грубой ошибки в выборе способа пресечения или незаконной обработки данных, потерпевший вправе ставить вопрос о возмещении вреда за счет казны.

Статья 1079 ГК РФ закрепляет ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Верховный Суд РФ разъяснял, что источником повышенной опасности может быть любая деятельность, которая в силу своих свойств создает вы-

сокую вероятность причинения вреда и не поддается полному контролю со стороны человека. Эта логика вполне применима к эксплуатации беспилотных воздушных судов, особенно в условиях плотной городской среды, неблагоприятной погоды, работы систем радиоэлектронного противодействия или полетов вблизи скоплений людей.

С практической точки зрения это означает следующее. Даже при общей правомерности полицейской операции вопрос о компенсации вреда третьему лицу не снимается автоматически. Публичная полезность действий полиции и необходимость защиты граждан не исключают гражданско-правового механизма возмещения ущерба тем лицам, которые понесли потери в результате такой деятельности. Иначе говоря, правомерность публичной цели и обязанность государства компенсировать причиненный ущерб могут сосуществовать.

Именно здесь проявляется зрелость правопорядка: сильное государство не только применяет современные технологии, но и несет ответственность за сопутствующие риски. С патриотической точки зрения это особенно важно: подлинная государственность измеряется не произволом, а способностью защищать большинство, не оставляя без защиты конкретного пострадавшего гражданина [5, с. 201].

Наиболее сложным является вопрос, что делать, если вред причинен при правомерном использовании БВС. Например, полиция законно подняла аппарат для наблюдения за массовым мероприятием; из-за внезапного технического сбоя он повредил автомобиль. Или полиция законно приняла решение о подавлении сигнала опасного дрона, после чего тот упал на крышу частного здания.

Такие случаи нельзя механически сводить только к незаконным действиям органа власти. Если государство допускает использование техники, объективно создающей повышенную опасность, оно обязано заранее выстраивать механизм распределения последствий такого риска. В противном случае отдельный гражданин оказывается один на один с ущербом, возникшим из деятельности, совершаемой в общественных интересах.

С теоретической точки зрения это подтверждает необходимость развивать в ведомственном регулировании презумпцию документирования всех инцидентов с БВС, обязательное служебное расследование, быстрое установление причинной связи между действием аппарата и наступившим вредом, а также понятный для граждан порядок предъявления требований о возмещении ущерба.

Особое место занимает использование БВС как средства наблюдения и фиксации. Здесь правовой риск связан уже не столько с падением аппарата, сколько с избыточным сбором сведений о частной жизни граждан.

Конституция Российской Федерации охраняет неприкосновенность частной жизни и тайну личной и семейной сферы. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что право на частную

жизнь включает возможность человека контролировать информацию о самом себе. Следовательно, полицейское применение БВС допустимо лишь в той мере, в какой оно служит законной цели и не превращается в постоянное или чрезмерное наблюдение за неопределенным кругом лиц.

Закон о персональных данных требует, чтобы обработка данных была соразмерна цели и не выходила за пределы необходимого. Применительно к БВС это означает как минимум пять практических требований:

- фиксировать только те данные, которые действительно нужны для служебной задачи;
- ограничивать время хранения материалов;
- исключать несанкционированный доступ;
- не использовать записи вне первоначальной цели без надлежащего правового основания;
- проводить внутренний контроль за доступом к архивам видеозаписей.

Игнорирование этих правил порождает риски не только дисциплинарной, но и гражданско-правовой ответственности, включая компенсацию морального вреда.

Представляется, что дальнейшее развитие правоприменения должно идти по нескольким направлениям.

Прежде всего, необходима детализация ведомственных регламентов полета именно для полицейских БВС: допустимая высота в городской среде, минимальные расстояния до скоплений людей, порядок действий при потере сигнала, критерии запрета на полет при неблагоприятной погоде, обязательный предполетный чек-лист, резервные сценарии аварийной посадки.

Далее требуется обязательная юридическая квалификация цели полета. Каждый запуск БВС в полицейской деятельности должен быть увязан с конкретной служебной задачей и фиксироваться в документах так, чтобы впоследствии можно было проверить законность, необходимость и продолжительность применения аппарата.

Третье направление – риск-ориентированный подход при пресечении чужих БВС. Если подавление сигнала способно повлечь падение аппарата в толпу либо на объект с большим числом людей, уполномоченное лицо должно выбрать способ минимизирующий сопутствующий вред.

Четвертое – строгий режим работы с данными, полученными с БВС. Без него техническое средство охраны правопорядка легко превращается в источник правовых претензий.

Пятое – понятный компенсационный механизм. Гражданин, пострадавший от правомерных действий полиции с применением БВС, не должен месяцами доказывать очевидное. В условиях укрепления цифрового государства справедливо предусмотреть ускоренный административный порядок рассмотрения требований о возмещении небольшого имущественного

вреда с последующим регрессом к виновным лицам при наличии оснований.

Использование полицией беспилотных воздушных судов в современной России является закономерным и в целом оправданным направлением развития правоохранительной деятельности. Оно соответствует интересам защиты государства, общества и граждан, позволяет эффективнее предупреждать правонарушения, документировать доказательства, обеспечивать безопасность массовых мероприятий и быстрее реагировать на угрозы.

Вместе с тем правомерность использования беспилотных воздушных судов полицией не отменяет рисков причинения вреда третьим лицам. Такие риски проявляются в физическом, имущественном, информационном и моральном вреде. Их наличие требует строгого соблюдения принципов законности, необходимости, соразмерности и минимизации ущерба, прямо вытекающих из конституционных и отраслевых норм российского права.

Таким образом, основной вывод состоит в том, что дальнейшее развитие полицейского применения дронов должно сопровождаться не только техническим оснащением подразделений, но и углублением правового режима: более точными регламентами, алгоритмами оценки сопутствующего вреда, правилами обращения с данными и оперативным порядком возмещения ущерба пострадавшим. Только при таком подходе беспилотная техника будет служить не источником новых конфликтов, а инструментом государственного порядка, правовой дисциплины и безопасности страны.

Библиографический список

1. Великоклад Т. П. Нормативно-правовое регулирование в области беспилотной авиации // Сборник материалов по вопросам развития робототехники в МЧС России : материалы круглых столов (в рамках проведения XV Международного салона средств обеспечения безопасности «Комплексная безопасность-2024»), Кубинка, 30–31 мая 2024 года. М. : Федеральное государственное бюджетное учреждение «Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России» (федеральный центр науки и высоких технологий), 2024. С. 43–50.
2. Полетыкин Д. А. Правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов в Российской Федерации : текущее состояние и перспективы развития // Юридическая наука. 2023. № 9. С. 143–153.
3. Сидорова Е. З. О некоторых уголовно-правовых рисках использования беспилотных летательных аппаратов // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4 (105). С. 436–443.
4. Тарута А. Г. Инновации, применяемые сотрудниками силовых ведомств при обеспечении правопорядка // Направления и перспективы раз-

вития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации : сборник научных статей XVII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 18–19 ноября 2025 года. Новосибирск : Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. С. 839–842.

5. Яковлев А. А. Профилактика правонарушений, совершаемых с использованием беспилотных воздушных судов // V Международный пени-тенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий) : сборник тезисов выступлений и докладов участников : в 9 т., Рязань, 17–19 ноября 2021 года. Академия ФСИН России. Том 6. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. С. 200–203.

© Тарута А. Г., 2026

УДК 34.03

Ковалев С. М., преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Сибирского юридического института МВД России (Россия, г. Красноярск)

ДЕЛИКАТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОМЕРНЫХ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема отношений, возникающих в связи с правомерными действиями полиции, так как даже такие действия могут затрагивать личные нематериальные блага, вызывать конфликт интересов, причинять имущественный либо моральный вред, что делает необходимым комплексное осмысление деликатной проблематики на стыке административного, гражданского и уголовного права.

Ключевые слова: полиция, деликт, деликатные отношения, правомерные действия, вред, законность, соразмерность, ответственность.

Для российского правопорядка вопрос о пределах вмешательства полиции в сферу частной жизни и личной безопасности граждан имеет не отвлеченное, а сугубо практическое значение. Конституция Российской Федерации закрепляет высшую ценность прав и свобод человека, достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, а также прямое действие конституционных норм. Одновременно государство обязано обеспечивать общественную безопасность, охранять законность, противодействовать

преступности и защищать Отечество как политико-правовое пространство национального суверенитета.

В этих условиях деятельность полиции неизбежно связана с вторжением в глубоко личные сферы: семейные конфликты, проверка документов, досмотр, проникновение в жилые и иные помещения в предусмотренных законом случаях, задержание, применение физической силы, специальных средств или оружия. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») [1] прямо требует от полиции соблюдать и уважать права и свободы человека и гражданина, действовать на основе законности, а применение силы, специальных средств и оружия подчиняет строгим правовым правилам.

Именно здесь возникают так называемые деликатные отношения: отношения, в которых правомерное с формальной точки зрения государственное вмешательство соприкасается с уязвимыми нематериальными и имущественными интересами личности. В научном смысле речь идет не только о классическом деликте как противоправном причинении вреда, но и о более сложной правовой конструкции, когда вред либо существенное неблагоприятное последствие появляются в контексте законных действий власти. Такая постановка вопроса особенно важна для Российской Федерации, где авторитет правоохранительной системы должен строиться не на произвольной жесткости, а на дисциплинированной силе, основанной на законе, служении государству и уважении к человеку.

Термин «деликатные отношения» не закреплен в законе как легальная дефиниция, однако в научном анализе он уместен для обозначения правоотношений повышенной чувствительности, возникающих при соприкосновении властных полномочий полиции с благами, затрагивающими достоинство, честь, доброе имя, неприкосновенность частной жизни, телесную неприкосновенность, семейную сферу, имущество и психологическое состояние гражданина. Конституция Российской Федерации прямо защищает достоинство личности и частную жизнь, а Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусматривает компенсацию морального вреда и ответственность публичной власти за вред, причиненный государственными органами и их должностными лицами.

Следовательно, даже когда сотрудник полиции действует в рамках закона, сам характер ситуации может оставаться деликатным [2, с. 262]. Например, законное задержание в общественном месте, правомерное проникновение в жилище для спасения жизни, оцепление территории, изъятие предметов, ограничение доступа к имуществу, применение силы при пресечении опасного деяния – все это может причинять гражданину серьезные имущественные потери, репутационный урон, стресс, физические страдания или нравственные переживания. При этом вопрос о наличии или отсутствии противоправности не исчерпывает весь юридический анализ: требуется оценка соразмерности, необходимости, доказуемости оснований,

соблюдения процедуры, качества фиксации обстоятельств и последующей компенсации причиненного вреда, если таковой возник.

Поэтому деликатные отношения в полицейской деятельности следует понимать как возникающие в связи с реализацией публичных полномочий правоотношения повышенной правовой и нравственной чувствительности, в которых затрагиваются охраняемые законом личные и имущественные блага граждан, а также возникает риск имущественной, компенсационной, дисциплинарной, административной или уголовной ответственности в случае выхода за пределы правомерности.

Конституционная модель российского государства не допускает противопоставления общественной безопасности и прав человека как взаимоисключающих ценностей. Конституция Российской Федерации устанавливает, что права и свободы человека являются высшей ценностью, их признание, соблюдение и защита – обязанность государства; достоинство личности охраняется государством; каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни; Конституция и законы Российской Федерации обладают верховенством и подлежат прямому применению.

Отсюда вытекает важный вывод – правомерность действий сотрудника полиции не может оцениваться лишь по внутренней ведомственной логике, она должна проверяться через конституционный стандарт. Такой стандарт включает как минимум четыре элемента:

1. Законное основание: любое вмешательство должно иметь прямую правовую опору в федеральном законе, прежде всего в ФЗ «О полиции».

2. Необходимость: если цель может быть достигнута менее «обременительным» способом, предпочтение должно отдаваться именно ему. Это вытекает из общей конституционной логики ограничения прав и из специальных правил о применении силы и иных мер государственного принуждения.

3. Соразмерность: нельзя допускать, чтобы защищаемый публичный интерес формально оправдывал чрезмерное вмешательство в сферу прав личности. Для полиции это особенно важно при задержаниях, досмотрах, применении спецсредств и оружия.

4. Процессуальная оформленность и проверяемость: чем более чувствительна ситуация, тем более подробной должна быть ее фиксация: основания, предупреждение лица, характер угрозы, характер сопротивления, объем причиненного вреда, участие свидетелей, видеозапись, медицинские документы и иные данные. Иначе правомерное действие легко превращается в спорное, а затем в деликтное с точки зрения гражданско-правовых либо уголовно-правовых последствий.

ФЗ «О полиции» предусматривает широкий круг полномочий, включая право требовать прекращения противоправных действий, проверять документы, осуществлять доставку и задержание в случаях, установленных законом, входить в жилые и иные помещения при наличии закон-

ных оснований, а также применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие в строго определенных случаях [2, с. 171].

Однако сама правомерность вмешательства не устраняет вопроса о последствиях для личности и третьих лиц. Практически это проявляется в нескольких типичных ситуациях.

Во-первых, вред может быть причинен не адресату полицейского воздействия, а третьим лицам. Например, при пресечении опасных действий правонарушителя может быть повреждено имущество собственника помещения, транспортного средства либо иного гражданина, не причастного к правонарушению. В таких случаях встает вопрос о распределении рисков между государством и частным лицом.

Во-вторых, правомерное действие может причинить моральный вред, даже если формального нарушения закона со стороны сотрудника не установлено. ГК РФ допускает компенсацию морального вреда при посягательстве на личные неимущественные блага, а статья 1069 ГК РФ закрепляет специальное правило о возмещении вреда, причиненного государственными органами и должностными лицами. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращался к вопросам применения статей 151, 1069 и 1070 ГК РФ, подчеркивая значимость эффективной судебной защиты и компенсационных механизмов.

В-третьих, граница между правомерным и неправомерным в полицейской деятельности часто проходит не по факту применения меры, а по ее объему и способу реализации. Так, применение силы как таковое может быть разрешено законом, но избыточность силы, несвоевременность ее прекращения, игнорирование состояния лица, отсутствие предупреждения там, где оно требовалось, или унижающая форма обращения способны преобразовать законное полномочие в превышение должностных полномочий либо в самостоятельное основание для гражданско-правовой ответственности. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) прямо предусматривает ответственность за превышение должностных полномочий.

Для теории и практики принципиально важно различать две ситуации.

Первая ситуация – сотрудник полиции действовал правомерно, но причиненный вред в силу его характера и масштаба подлежит компенсации по специальным правилам публичной ответственности. Здесь ключевое значение приобретает статья 1069 ГК РФ, устанавливающая ответственность за вред, причиненный государственными органами и должностными лицами при осуществлении ими властных полномочий. Хотя в доктрине и судебной практике вопрос о пределах такой ответственности в конкретных моделях причинения вреда остается дискуссионным, сама компенсационная логика российского права очевидна: бремя издержек

публичной функции не должно произвольно перекладываться на добросовестного гражданина.

Вторая ситуация – имело место неправомерное действие, в том числе явный выход за пределы предоставленных полномочий. Тогда помимо гражданско-правовой ответственности возникает дисциплинарная, а при наличии состава – административная либо уголовная ответственность. Статья 286 УК РФ предусматривает ответственность за превышение должностных полномочий, а ее применение к представителям власти имеет особую профилактическую роль: оно отделяет законную силу государства от самоуправства должностного лица.

В этом контексте особенно важно не впадать в две крайности – автоматически считать любой причиненный полицией вред следствием злоупотребления и столь же автоматически оправдывать любой вред ссылкой на служебную необходимость. Обе крайности вредны для государственности. Здоровый правопорядок строится на точном разграничении: где был неизбежный и правомерный риск, а где – профессиональная небрежность, избыточность или грубое превышение власти.

Особое место занимают случаи, когда правомерные действия полиции затрагивают частную и семейную жизнь. Конституция Российской Федерации гарантирует неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени. Следовательно, даже юридически обоснованное вмешательство должно быть минимально вторгающимся и максимально корректным по форме.

Здесь для правоприменителя имеют значение не только «большие» вопросы (было ли законное основание), но и «малые» вопросы профессиональной этики и процедуры (где именно проводится беседа, присутствуют ли посторонние, каким тоном ведется общение, не допускается ли разглашение интимных обстоятельств, нет ли унижающих комментариев, как обеспечивается уважительное обращение с несовершеннолетними, женщинами, пожилыми гражданами, лицами с инвалидностью). Формально эти аспекты иногда кажутся вторичными, но именно из них складывается доверие к полиции как к государственному институту.

С российской патриотической точки зрения здесь нет противоречия: сильное государство – это не государство грубости, а государство порядка. Полиция, действующая твердо, но корректно, укрепляет авторитет власти сильнее, чем полиция, действующая унижительно даже в формально законных пределах. Исторически российская государственная традиция всегда ценила не только силу служивого человека, но и его служебную честь, дисциплину и чувство меры [4, с. 234].

Категория морального вреда в деликатных отношениях заслуживает отдельного внимания. Статья 151 ГК РФ предусматривает возможность компенсации морального вреда при причинении гражданину нравственных или физических страданий. В публично-правовой сфере такая проблема

особенно сложна: гражданин может испытать сильные нравственные переживания не только из-за незаконного насилия, но и из-за законного, однако предельно болезненного вмешательства – например, в ситуации эвакуации, принудительного вскрытия помещения, задержания при большом скоплении людей, временного изъятия значимого имущества, контакта с несовершеннолетними членами семьи в кризисной обстановке.

Сам по себе факт правомерного действия полиции не должен автоматически исключать обсуждение морального вреда, но и не должен автоматически порождать компенсацию. Решение должно зависеть от совокупности следующих факторов:

- наличия у лица особо охраняемого нематериального интереса;
- масштаба и длительности страданий;
- соблюдения сотрудниками полиции стандартов корректности и уважительного обращения;
- наличия альтернативных, менее травматичных способов достижения цели;
- добросовестности самого потерпевшего;
- общественной значимости предотвращенного вреда.

Такой подход позволяет избежать как девальвации полицейской службы, так и беззащитности гражданина перед чрезмерно жестким, пусть и формально законным, вмешательством.

Современная правоохранительная деятельность невозможна без усмотрения. Сотрудник полиции часто действует в условиях дефицита времени, неполной информации, повышенного риска для жизни и здоровья. Закон не способен описать все жизненные ситуации, а потому неизбежно предоставляет пространство профессиональной оценки. Но именно здесь рождается основной деликтный риск.

Чтобы правомерное усмотрение не превратилось в произвольное, целесообразно выделить следующие критерии его допустимости:

1. Нормативная определенность цели – сотрудник должен ясно понимать, какую именно законную цель он преследует.
2. Фактическая обоснованность – должны существовать реальные обстоятельства, а не абстрактные предположения.
3. Минимальная достаточность вмешательства – выбирать следует ту меру, которая достаточна, но не избыточна.
4. Прекращение вмешательства после достижения цели – продолжение ограничения после исчезновения оснований недопустимо.
5. Подробная фиксация обстоятельств – без фиксации правомерность быстро становится недоказуемой.
6. Готовность к судебной проверке – любое серьезное вмешательство должно выдерживать внешнюю правовую оценку.

Именно по этим критериям на практике суд и общество отделяют настоящую законную полицейскую деятельность от злоупотребления полно-

мочиями. Правовая сила государства проявляется не в широте деклараций, а в способности доказать законность каждого значимого вмешательства.

Представляется целесообразным развитие нескольких направлений. Прежде всего, требуется уточнение ведомственных стандартов документирования деликатных ситуаций (семейно-бытовые конфликты; контакт с несовершеннолетними; проникновение в жилище; применение силы; ограничения доступа к имуществу; вынужденное причинение вреда третьим лицам). Чем подробнее алгоритм фиксации, тем ниже риск как реальных злоупотреблений, так и необоснованных обвинений против сотрудников полиции.

Далее необходимо развивать компенсационные механизмы для случаев, когда правомерные действия полиции объективно причинили существенный вред невиновным третьим лицам. Это укрепляет доверие граждан к государству и снимает социальное ощущение несправедливости. Компенсация не ослабляет власть, а напротив, она показывает зрелость власти и ее способность нести издержки собственных публичных функций.

Кроме того, важно усиливать правовую и этическую подготовку сотрудников. Для полиции будущего недостаточно знания формальных оснований применения мер принуждения. Нужна культура конституционного мышления: понимание того, что каждый эпизод властного вмешательства – это не только служебное действие, но и испытание государства на правовую зрелость.

Следует также развивать единые судебные и ведомственные подходы к разграничению правомерного риска, правомерного причинения вреда и противоправного превышения полномочий. Здесь полезна систематизация судебных позиций Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам компенсации вреда, причиненного публичной властью.

Деликатные отношения в контексте правомерных действий сотрудников полиции представляют собой одну из наиболее «тонких» проблем современной российской юриспруденции. Их сложность состоит в том, что конфликт возникает не только там, где нарушен закон, но и там, где закон применен в щепетильной человеческой ситуации, сопряженной с ущербом, страхом, страданием, ограничением личной свободы, семейной или имущественной сферы.

Сильная российская государственность требует эффективной и решительной полиции. Но подлинная сила полиции проявляется не в безусловности вмешательства, а в правовой чистоте, соразмерности, корректности и доказуемости. Именно поэтому правомерные действия полиции должны оцениваться не только по критерию формальной законности, но и через призму конституционных ценностей, компенсационной справедливости и уважения к личности.

Таким образом, в конечном счете деликатность рассматриваемых отношений не ослабляет правоохранительную функцию государства, а дис-

циплинирует ее. Чем точнее полицейская деятельность встроена в конституционный и деликтный правопорядок, тем выше доверие общества, устойчивее авторитет власти и крепче правовые основы национальной безопасности нашей страны.

Библиографический список

1. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. 8 февраля.
2. Джакипов У. Д. Гражданско-правовой статус сотрудников органов внутренних дел : проблемы нормативного регулирования и пути их разрешения // Власть Закона. 2025. № 2 (62). С. 259–270.
3. Михайлюк В. А. Правоприменение норм Российского законодательства при подготовке сотрудников полиции / В. А. Михайлюк, Е. В. Сидельникова // Актуальные вопросы совершенствования специальной подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 27 апреля 2023 года / редколлегия: А. С. Дудко, А. А. Фролов, Д. А. Воронов [и др.]. Краснодар : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2023. С. 169–173.
4. Тарута А. Г. Актуальные вопросы правового регулирования деятельности нарядов патрульно-постовой службы полиции // Обеспечение норм законодательства при несении службы нарядами патрульно-постовой службы полиции : сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 30 мая 2025 года. Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт МВД России, 2025. С. 233–236.

УДК 343.1

Попова А. В., старший преподаватель
кафедры уголовно-процессуального пра-
ва Ростовского юридического института
МВД России (Россия, г. Ростов-на-Дону)

КОНЦЕПЦИЯ ПРОЕКТА НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ОБРАЩЕНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ И СВЯЗАННЫХ С НИМИ ФИНАНСОВЫХ ОПЕРАЦИЙ В ЦЕЛЯХ СНИЖЕНИЯ РИСКОВ, СВЯЗАННЫХ С ОТМЫВАНИЕМ СРЕДСТВ И ФИНАНСИРОВАНИЕМ ТЕРРОРИЗМА

Аннотация. Данная статья раскрывает концепцию проекта норм, регулирующих обращение цифровых активов и связанных с ними финансовых операций в целях снижения рисков, связанных с отмыванием средств и финансированием терроризма, с акцентом на принципы регулирования, источники правовой базы, механизм ареста и блокирования активов, а также ожидаемые последствия для экономики, субъектов хозяйствования и общества в целом. В основе проекта лежат современные международные практики, адаптированные к национальным условиям и правовым традициям страны.

Ключевые слова: цифровые активы, цифровая валюта, международные обязательства, совместимость с Евразийским экономическим союзом, международная интеграция, надзор и правовая основа для инноваций.

Основной набор задач проекта норм, регулирующих обращение цифровых активов и связанных с ними финансовых операций, включает:

- обеспечение прозрачности операций с цифровыми активами в целях выявления и предотвращения рисков незаконной финансовой деятельности;
- установление единых подходов к квалификации цифровой валюты как имущества [1], а также к процедурам ареста, блокирования и обеспечения активов в рамках борьбы с преступлениями финансового характера;
- формирование правовой основы для сотрудничества между органами государственной власти, финансовыми учреждениями, субъектами хозяйствования и правоохранительными органами;
- снижение системных рисков для платежной инфраструктуры, банковской и криптоинфраструктуры, повышение доверия к национальной финансовой системе;
- обеспечение совместимости проекта с договорами Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и международными обязательствами, с минимизацией дополнительных административных барьеров.

В отношении правовой базы и принципов регулирования цифровая валюта квалифицируется как имущество в рамках действующего законодательства и подчиняется соответствующим правилам владения, распоряжения и ареста активов. Регулируемые операции включают выпуск, обращение, обмен, хранение и перевод цифровых активов, а также связанные с ними платежные услуги. В данном направлении применяются принципы законности, пропорциональности и необратимости только по законному решению суда или уполномоченного органа, а также принцип невмешательства во всесторонний оборот граждан и бизнеса без надобности, обеспечивается взаимодействие с международными стандартами по противодействию отмыванию средств, финансированию терроризма и кибербезопасности, приводятся внутренние регуляторные акты в соответствии с FATF (ФАТФ – «Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег») и группами лучших практик, адаптированными к национальному контексту [2].

Что касается механизма классификации и обращения с активами, то здесь предусматривается классификация цифровых активов, связанных с платежными системами, токенов владения, стабилкоинов и других инструментов цифровой экономики. Критерии квалификации включают юридическое лицо-эмитент, характер использования, режим хранения и передачи, возможность идентифицируемости участников оборота. Меры контроля за операциями предполагают установление пороговых значений, мониторинг подозрительных операций, требования к идентификации и верификации контрагентов. Процедуры ареста и блокирования активов охватывают основания, процедуру, судебную или административную процедуру, срок задержания, возможность обжалования и защиту прав собственников.

Организационные участники включают государственные органы как центральный регулятор финансовых рынков. Правоохранительные, судебные органы и органы исполнительной власти несут ответственность за мониторинг и пресечение нарушений. Остальными участниками экономической деятельности, которым необходимо соблюдать требования по идентификации клиентов, мониторингу и отчетности, являются финансовые институты и субъекты рынка – банки, платежные системы, лицензированные криптооператоры, нотариусы, клиринговые организации, аудиторы и юридические лица, работающие с цифровыми активами, гражданское общество и бизнес.

Координационные механизмы включают рабочие группы, информационные обмены между ведомствами, единый реестр подозрительных операций и арестованных активов, регистр обмена данными в рамках закона о защите персональных данных. По мере противодействия рискам и управления ими предполагается применение риск-ориентированного подхода с приоритетами в зависимости от величины операции, типа актива, географии участников и уровня рисков; технологические меры сводятся к вне-

дрению систем мониторинга транзакций, аналитических платформ для выявления аномалий и связей между участниками.

Правовые меры включают ясные процедуры идентификации клиентов, требования к хранению документов, правила аудита и отчетности. Образовательные меры направлены на повышение осведомленности субъектов рынка о требованиях и обучение сотрудников банков и финансовых институтов. Меры защиты прав и справедливости обеспечивают процесс ареста активов в рамках законных процедур, прозрачность решений и возможность обжалования.

Экономическое влияние проекта охватывает:

- влияние на финансовые институты через повышение устойчивости и доверия к платежной системе, необходимость внедрения системы мер и процедур, направленных на снижение рисков и обеспечение соответствия деятельности компании установленным нормам;
- влияние на бизнес-среду – создание условий для честной конкуренции, снижение рисков нелегальных операций и потенциальное повышение затрат малого и среднего бизнеса на соблюдение требований;
- макроэкономические эффекты – поддержка стабильности финансовой системы, снижение риска отмыwania средств и финансирования преступной деятельности;
- влияние на инвестиционный климат;
- сравнение с международной практикой – соответствие мировым стандартам и адаптация к региональной специфике, а также поэтапный подход к внедрению, пилоты и постепенная расширяемость регуляторной базы.

Социально-экономические последствия включают защиту граждан и компаний от вовлечения в незаконную финансовую деятельность, возможное перераспределение издержек между секторами экономики, влияние на стоимость услуг и финансовых продуктов. Вопросы защиты данных и приватности – баланс между необходимостью мониторинга и защитой персональных данных. В части сравнительного анализа и международной практики осуществляется сопоставление с регуляторной практикой стран-участниц по принципам прозрачности, порядку ареста активов, требованиям к идентификации клиентов и обмену информацией между регуляторами; адаптация к региональным условиям учитывает национальный правовой порядок, особенности финансового сектора, уровень цифровизации и существующую инфраструктуру; рекомендуется поэтапный подход к внедрению, пилоты в отдельных сегментах рынка и постепенная расширяемость регуляторной базы.

Методы оценки эффективности и мониторинга предусматривают ключевой показатель эффективности (далее – KPI) для регулятора – долю подозрительных операций, скорость рассмотрения дел, количество арестованных активов, снижение уровней рисков; KPI для финансовых институтов – долю доведенных случаев до решения суда, соблюдение сроков

идентификации, скорость обработки транзакций; мониторинг влияния на бизнес – анализ экономической активности, уровень затрат на соблюдение требований, влияние на инновационные технологии; методы аудита и ревизии включают независимый аудит комплаенса, периодическое обновление методик и аудит информационных систем. Правовые процедуры и процесс реализации описывают последовательность этапов: законодательная база и регуляторная ясность, техническая реализация, пилотные проекты, масштабирование, оценка эффективности и корректировка [3]. Риск-менеджмент и ограничение возможных недостатков рассматривают возможные риски – перегрузку рынка требованиями определенных мер, риск нарушения приватности, задержки в платежах из-за дополнительных процедур, меры смягчения – поэтапное внедрение, гибкость регуляторных рамок, прозрачная процедура обжалования, защита персональных данных; постоянное улучшение – регулярный обзор регуляторных актов, мониторинг международной практики и обучение персонала.

Приложения содержат рекомендуемый набор материалов: техническое задание для разработчиков информационных систем мониторинга и анализа транзакций, примеры шаблонов документов – заявление на арест активов, уведомления контрагентов, решение суда, перечень субъектов хозяйствования, попадающих под сферу регулирования по категориям рисков, методику расчета рисков и критериев для разумного соотношения риска и меры воздействия, рекомендации по взаимодействию с международными структурами и обмену информацией.

Выдержки из выводов подчеркивают баланс между необходимостью борьбы с финансовыми преступлениями и защитой прав граждан и бизнеса; совместимость с ЕАЭС и международными обязательствами обеспечивает международную совместимость и облегчает сотрудничество; введение регуляторной основы для цифровых активов способствует устойчивой цифровой экономике, снижению рисков и повышению доверия к финансовому сектору.

Библиографический список

1. Жук О. Д. Об изменениях в уголовном и уголовно-процессуальном законодательствах, связанных с оборотом и использованием цифровой валюты в преступной деятельности. Законодательство. 2025. № 6. С. 76–80.
2. Архипов Д. А. Распределение договорных рисков в гражданском праве. Экономико-правовое исследование. М. : Статут, 2012. 112 с.
3. О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : пояснительная записка к проекту федерального закона № 902782-8 // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/411624527> (дата обращения: 05.05.2026).

УДК 342.9

Галиуллина Р. Х., доцент кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Казань)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ФИКСАЦИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы фиксации вреда, причиняемого правомерными действиями сотрудников полиции. Анализируются существующие пробелы в законодательстве, регламентирующем порядок документирования последствий применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. На основе анализа научных статей, посвященных правовым основам применения полицией мер принуждения, и с учетом предложений по совершенствованию служебного законодательства автором обосновывается необходимость внедрения унифицированного механизма фиксации вреда. Особое внимание уделяется правовому статусу стажера, проблемам терминологической определенности («ранение», «телесное повреждение», «вред здоровью») и обязательному использованию технических средств фиксации. Формулируются предложения по внесению изменений в Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и ведомственные нормативные правовые акты, направленные на повышение прозрачности и объективности оценки действий сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: правомерный вред, фиксация вреда, сотрудник полиции, применение физической силы, специальные средства, видеорегистрация, служебная проверка, правовая определенность.

Деятельность сотрудника полиции неразрывно связана с реализацией мер государственного принуждения. Как справедливо отмечает А. В. Куракин, физическое воздействие со стороны полицейского является разновидностью административного принуждения, а право на его применение – неотъемлемым элементом специального статуса сотрудника [10, с. 30]. В соответствии с главой 5 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») сотрудник наделен правом применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, что объективно может повлечь причинение вреда жизни, здоровью или имуществу граждан. При этом законодательство различает правомерное и неправомерное причинение вреда, что порождает необходимость

в четком и объективном механизме фиксации обстоятельств и последствий таких действий. Как указывают Р. Р. Абдуллаев и Д. Б. Миннигулова, при правомерном причинении вреда ущерб не возмещается, в то время как неправомерное причинение влечет ответственность в установленном порядке [1, с. 69].

Однако анализ научных работ и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о существовании серьезных проблем в сфере фиксации вреда, причиняемого правомерными действиями полиции. Эти проблемы можно разделить на три основные группы: терминологическая неопределенность, пробелы в правовом статусе отдельных категорий сотрудников и недостаточное использование технических средств фиксации.

Н. В. Румянцев и В. В. Журавлев в своем исследовании обоснованно критикуют понятийный аппарат, используемый в ФЗ «О полиции». Они отмечают, что законодатель использует термины «ранение», «телесные повреждения» и «вред здоровью» как синонимичные, что создает трудности для правоприменителя [7, с. 219]. Поскольку определение степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, является исключительной компетенцией судебно-медицинского эксперта, возложение на сотрудника полиции обязанности немедленно квалифицировать последствия своих действий как «вред здоровью» является юридически некорректным. Данная коллизия ведет к тому, что в рапортах и иных документах сотрудники указывают различные формулировки, что затрудняет последующую правовую оценку.

В целях унификации предлагается использовать единую терминологию. Наиболее оптимальным, как справедливо замечают авторы, является использование понятия «телесное повреждение», которое уже успешно применяется в законодательстве, регламентирующем деятельность Федеральной службы исполнения наказаний [7, с. 221]. Это позволит устранить возможность двоякого толкования и упростит процедуру первичного документирования.

Существенным пробелом, влияющим на законность фиксации вреда, является правовой статус стажера. Как следует из анализа Н. В. Румянцева и В. В. Журавлева, ч. 3 ст. 24 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 342) ограничивает стажера лишь в праве на ношение и хранение огнестрельного оружия, но не содержит прямого запрета на применение физической силы и специальных средств [7, с. 218]. Отсутствие прямого запрета позволяет стажеру применять силу, действуя по приказу руководителя. Однако это создает правовую неопределенность при фиксации вреда: если действия стажера признаются правомерными, то и вред, причиненный им, должен фиксироваться по общим правилам, но его подготовленность к таким действиям вызывает вопросы.

Предложение авторов о внесении изменений в ч. 3 ст. 24 ФЗ № 342, предусматривающих запрет на использование физической силы до прохождения профессионального обучения, является обоснованным. Механизм фиксации вреда должен быть единым для всех сотрудников, а допуск к применению силы – строго регламентированным. В противном случае фиксация вреда, причиненного неподготовленным лицом, будет формальной, а риск причинения избыточного вреда – высоким.

Аналогичная проблема наблюдается при участии, например, сотрудников уголовно-исполнительной системы в антитеррористических мероприятиях. С. А. Бажанов справедливо указывает на коллизию между «специальным законодательством» и антитеррористическим, когда вред, правомерный по смыслу Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», не имеет четкого основания для фиксации в ведомственном порядке [2, с. 639]. Отсутствие правовой определенности здесь напрямую сказывается на возможности зафиксировать вред как причиненный законом.

Современный этап развития общества требует внедрения цифровых технологий во все сферы деятельности полиции. Р. Р. Абдуллаев и Д. Б. Миннигулова отмечают, что внедрение информационно-коммуникационных онлайн-сервисов и телематических технологий позволит оптимизировать страховые процедуры и минимизировать ошибки в оформлении документов [1, с. 78].

Применительно к фиксации вреда, причиненного правомерными действиями, обязательное использование нательных видеорегистраторов (бодикамер) является наиболее эффективной гарантией. Видеозапись позволяет объективно зафиксировать: факт и характер правонарушения, послужившего основанием для применения силы; наличие или отсутствие предупреждения; соразмерность примененной меры; факт оказания помощи пострадавшему. Как справедливо отмечается В. А. Кузнецовым и его соавторами, видеофиксация служит мощной гарантией как для гражданина, защищая его от неправомерных действий, так и для самого полицейского, предоставляя неопровержимые доказательства соблюдения закона [5, с. 86].

Предлагается законодательно закрепить обязанность сотрудника полиции использовать средства аудио-, видеофиксации (при их наличии и технической возможности) с момента начала применения физической силы или специальных средств до момента оказания помощи пострадавшему. Это согласуется с предложениями о цифровизации страхования и позволит создать доказательную базу для служебных проверок и судебных разбирательств.

На основе проведенного анализа представляется необходимым реализовать следующие меры:

1. Прежде всего, необходимо заменить в главе 5 ФЗ «О полиции» разрозненные понятия «ранение», «вред здоровью» и «телесные повреждения» на единый термин «телесное повреждение» с отсылкой к правилам судебно-медицинской квалификации их тяжести. Это позволит стандартизировать рапорты сотрудников и первичные медицинские документы.

2. Обязательная видеофиксация. Внести изменения в чч. 5, 7, 8 ст. 19 ФЗ «О полиции», установив, что применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, повлекшее причинение телесных повреждений, подлежит обязательной фиксации с использованием технических средств (носимых видеорегистраторов) в случае, если это не создает угрозы жизни и здоровью сотрудника. Запись должна прилагаться к рапорту.

3. Детализация процедуры фиксации. Уточнить порядок уведомления родственников (ч. 5 ст. 19 ФЗ «О полиции»). Как предлагают Н. В. Румянцев и В. В. Журавлев, уведомление должно быть обязательным не только при причинении телесных повреждений, но и в случае наступления смерти гражданина, а также при доставлении в учреждение здравоохранения для стационарного лечения [7, с. 221]. В рапорте сотрудника должно быть прямо указано время и способ такого уведомления.

4. Разграничение видов фиксации. Для правомерного вреда, причиненного в условиях крайней необходимости или при задержании опасного преступника (например, с применением тарана автомобиля), должна быть предусмотрена упрощенная, но обязательная форма фиксации (акт осмотра места происшествия, схема), не требующая сложных процессуальных действий, но позволяющая точно определить размер причиненного материального ущерба [3, с. 54].

Реализация данных предложений позволит не только повысить качество доказывания правомерности действий полицейского, но и укрепить доверие граждан к органам внутренних дел. Прозрачная и четкая фиксация вреда является гарантией того, что правомерное причинение вреда не превратится в произвол, а социальные интересы сотрудников (страховые выплаты, защита от клеветы) будут обеспечены на должном уровне [4, с. 198; 8, с. 18].

Библиографический список

1. Абдуллаев Р. Р., Миннигулова Д. Б. Перспективы развития обязательного государственного страхования сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 67–81.

2. Бажанов С. А. Правовые основания применения мер принуждения сотрудниками подразделений специального назначения ФСИН России при участии в мероприятиях по противодействию терроризму : направления

совершенствования законодательства // Образование и право. 2026. № 1. С. 638–646.

3. Бурчикаускас В. А. Порядок, условия и основания применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции : проблемы правового регулирования и уголовно-правовой оценки последствий его применения // Научный портал МВД России. 2023. № 3 (63). С. 39–47.

4. Кормильцева С. О. Анализ современного состояния защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 1 (103). С. 65–73.

5. Кузнецов В. А., Сапронова И. В., Сычева О. М. Правовые основы действий сотрудников полиции при проведении досмотра на железнодорожном, водном и воздушном транспорте // Вестник ВИПК МВД России. 2025. № 4 (76). С. 83–89.

6. Миннигулова Д. Б., Гирвиц А. В. Возмещение вреда, причиненного противоправными действиями (бездействием) сотрудников органов внутренних дел: условия и особенности ответственности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Право. 2023. Т. 23. № 3. С. 54–59.

7. Румянцев Н. В., Журавлев В. В. К вопросу о совершенствовании организационно-правовых основ применения полицией физической силы // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 217–222.

8. Числов А. И., Маликов Ж. К. Правовая система защиты чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел : проблемные аспекты // Правопорядок : история, теория, практика. 2019. № 4 (23). С. 10–15.

9. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

10. Куракин А. В., Косенкова Н. Г. Теория и практика применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками полиции // Вестник ВИПК МВД России. 2025. № 1 (73). С. 30–50.

УДК 347.5

Фазлиева Л. К., доцент кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Казань)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. В российской гражданско-правовой науке наряду с возмещением вреда, причиненного неправомерными действиями (бездействием) сотрудников органов внутренних дел, предусмотрено компенсаторное обязательство вследствие правомерного поведения специальных субъектов (должностных лиц). В рамках проведенного исследования выявлено нормативное правило возмещения ущерба, причиненного правомерными действиями сотрудников органов внутренних дел России: ущерб подлежит компенсации, если такое возмещение определено федеральным законодателем.

Ключевые слова: вред, причиненный личности либо имуществу гражданина (юридического лица), правомерное поведение сотрудника органов внутренних дел, юридическая ответственность, ущерб, компенсация ущерба.

Принцип законности в деятельности сотрудников полиции выражается в гарантии защиты прав и интересов граждан (хозяйствующих субъектов), охраны общественного порядка и общественной безопасности (ст. 6 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»). Законность действий сотрудников ОВД подразумевает правомерное поведение специального субъекта при исполнении служебных обязанностей.

При этом в гражданском законодательстве и правоприменительной практике наблюдаются некоторые коллизии, связанные с пределами имущественной ответственности сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) и вопросами согласованности нормативных актов материального права и специальных законов, регламентирующих правовой статус сотрудников ОВД. Выявленные обстоятельства актуализируют вопросы защиты прав граждан (хозяйствующих субъектов), в том числе вопросы компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями специальных субъектов, и правовой защищенности сотрудников ОВД при исполнении служебных обязанностей.

У. Д. Джакипов, раскрывая гражданско-правовой статус сотрудников ОВД и практику ее реализации в служебной деятельности, отмечает неполноту и противоречивость нормативного регулирования в области порядка возмещения вреда, причиненного вследствие их правомерных действий, что приводит к нарушению баланса частных и публичных интересов [2, с. 260].

Нарушение принципа законности предполагает возникновение юридической ответственности у специальных субъектов (сотрудников ОВД) и имущественных последствий, возлагаемых на казну федерального уровня.

Общая конструкция деликта предполагает установление вреда, противоправности, причинной связи, а также вины. В диспозиции статьи 1069 Гражданского кодекса российской Федерации (далее – ГК РФ) прямо не описывается механизм вины деликвента, что вызывает дискуссию. Часть авторов исходит из применимости презумпции вины деликвента (п. 2 ст. 1064 ГК РФ). Другая часть делает акцент на том, что ответственность публичной власти «функциональна» и служит гарантийной защите, а потому чрезмерное внимание к вине ухудшает восстановление права [7, с. 76].

На уровне научных публикаций представлена позиция о практической значимости установления виновных должностных лиц. О. С. Сагина указывает, что выявление вины деликвента поддерживает превентивную функцию ответственности, хотя возмещение вреда осуществляется за счет казны [8, с. 191]. Это важно для баланса двух задач: компенсации потерпевшему и профилактики нарушений. Публично-правовое образование возмещает вред потерпевшему, после чего получает возможность регрессного требования к виновному должностному лицу при наличии правовых оснований. Регресс усиливает персональную ответственность, но не должен осложнять положение потерпевшего. Потерпевший не обязан «искать» конкретного виновного исполнителя. Он обращается к публично-правовому образованию как к гаранту восстановления нарушенных прав.

В то же время правомерные действия сотрудников ОВД при осуществлении служебной деятельности также могут вызвать причинение ущерба имуществу гражданам (хозяйствующим субъектам). При этом установлено статутное предписание: ущерб подлежит компенсации, если такое возмещение определено федеральным законодателем. Как указывает А. В. Лисаченко, правомерные действия в таких ситуациях являются причиной возникновения ущерба, но сам ущерб потерпевший несет неправомерно [4, с. 118]. Т. В. Дерюгина справедливо утверждает, что при причинении ущерба правомерными действиями сотрудников ОВД возникает не деликтное обязательство, а компенсаторное [3, с. 74]. Э. Ф. Нигматуллина относит компенсационные обязательства к смешанному правовому институту, регулируемому как публично-правовыми, так и частноправовыми отраслями права [5, с. 27].

На основании нормативных положений гражданского законодательства и аргументации исследователей проведем сравнительный анализ правовых режимов причинения ущерба гражданам (хозяйствующим субъектам) правомерными и неправомерными действиями (бездействием) сотрудников ОВД при осуществлении служебной деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика причинения ущерба гражданам (хозяйствующим субъектам) правомерными и неправомерными действиями (бездействием) сотрудников ОВД при осуществлении служебной деятельности

Ущерб, причиненный неправомерными действиями (бездействием) сотрудников ОВД	Критерии	Ущерб, причиненный правомерными действиями сотрудников ОВД
принудительное возложение обязательств по возмещению вреда на федеральную казну	сущность	добровольное возложение органами публичной власти на себя обязательств по компенсации ущерба в случаях, определенных федеральным законодателем
деликтное	обязательство	компенсаторное
охранительная	функция	регулятивная и охранительная
реальный ущерб и упущенная выгода	возмещается	реальный ущерб
возникает	гражданско-правовая ответственность	не возникает
присутствует	компенсация морального вреда	отсутствует
оправдательный приговор, прекращение уголовного (административного) преследования и т. д.	основание	нормативный правовой акт

Особым примером причинения ущерба правомерными действиями специальных субъектов (сотрудников правоохранительных органов) является причинение ущерба в ходе антитеррористической операции (ст. 18 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму») [10]. Диспозиция нормы предусматривает два варианта причинения ущерба правомерными действиями сотрудников правоохранительных органов, имеющая противоположные имущественные последствия на стороне участника и жертв террористического акта. Компенсационные выплаты (ст. 16.1 ГК РФ) из средств федерального бюджета в порядке, установленном Правительством Российской Федерации предусмотрены только для жертв террористического акта (п. 2 ст. 18 указанного закона).

С. К. Степанов указывает на существенный недостаток правового регулирования в области компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями, вызванный тем обстоятельством, что правоприменительные органы отказывают в выплате компенсации потерпевшим лицам, так как отсутствует законодательная норма [9, с. 53].

Правовая позиция высшего органа судебной власти выстраивается на следующем заключении: в соответствии со ст. 16.1 ГК РФ в случаях и в порядке, которые учтены законодательством, вред, нанесенный личности либо имуществу гражданина или имуществу юридического лица обоснованными действиями органов публичной власти либо должностных лиц данных органов, а кроме того иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации (п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 [6]).

На основании вышеизложенного мы приходим к следующим выводам:

1) федеральный законодатель разграничил правовые режимы возмещения убытков в полном объеме (ст. 15, 16 ГК РФ) и компенсации ущерба (реального ущерба) (ст. 16.1 ГК РФ): возмещение убытков характерно деликтным обязательствам, компенсация ущерба – компенсаторным;

2) в отраслевых науках, в частности гражданском праве, отсутствует квалифицирующий признак компенсаторных обязательств;

3) считаем необходимым предусмотреть в гражданском законодательстве механизм компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями правоохранительных органов, дополнив главу 59 ГК РФ статьей 1069.1 «Ответственность за ущерб, причиненный правомерными действиями органов публичной власти».

Библиографический список

1. Рахимов О. А. Возмещение ущерба, причиненного правомерными действиями военных организаций и воинских должностных лиц : сегодня и завтра // Право в Вооруженных Силах. 2019. № 2. С. 63–68.
2. Джакипов У. Д. Гражданско-правовой статус сотрудников органов внутренних дел: проблемы нормативного регулирования и пути их разрешения // Власть Закона. 2025. № 2. С. 259–270.
3. Дерюгина Т. В. К проблеме выделения компенсаторных обязательств в системе гражданско-правовых обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 7. С. 74–78.
4. Лисаченко А. В. Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления: практика применения и научное осмысление // Российский юридический журнал. 2017. № 4. С. 116–122.

5. Нигматуллина Э. Ф. Компенсационные обязательства публично-правовых образований: состояние правового регулирования и перспективы развития // Правовые вопросы недвижимости. 2025. № 1. С. 27–29.

6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 июля 2015 г. № 307-ЭС15-9535 по делу № А66-13965/2014. URL: <http://consultant.ru> (дата обращения: 03.04.2026).

7. Острикова Л. К. Институт обязательств вследствие причинения вреда : современное состояние и пути совершенствования // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 10 (107). С. 69–78.

8. Сагина О. С. Вина как условие ответственности за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами // Научный электронный журнал «Меридиан». 2025. № 7 (41).

9. Степанов С. К. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями в ходе контртеррористической операции // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. 2022. № 5. С. 43–55.

10. О противодействии терроризму : федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

УДК 347.56

Мельник С. В., профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Орел);

Надтачаев П. В., заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа);

Понтелеева М. А., курсант Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова (Россия, г. Орел)

ПРОБЛЕМА «АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ ОШИБКИ» КАК ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Аннотация. В статье исследуются проблемы гражданско-правовой ответственности сотрудников полиции за вред, причиненный в результате «алгоритмической ошибки» при использовании технологий биометрической идентификации и автоматизированных систем. Анализируется, что цифровая трансформация правоприменительной деятельности порождает ситуации, в которых классическая конструкция деликтной ответственности, базирующаяся на категории вины конкретного должностного лица, оказывается несостоятельной. Особое внимание уделяется коллизии между формальной законностью действий сотрудника и незаконностью результата, обусловленного ошибкой алгоритма. В качестве решения предлагается внедрение предварительного контроля за алгоритмами и смещение акцента с вины сотрудника на ответственность разработчиков и владельцев систем.

Ключевые слова: биометрическая идентификация, ошибка алгоритма, искусственный интеллект, гражданско-правовая ответственность сотрудников полиции, автоматизированные системы.

Классические конструкции гражданско-правовой ответственности сталкиваются с новыми вызовами, детерминированными цифровой трансформацией общественных отношений. В деятельности сотрудников правоохранительных органов активно применяются технологии биометрической идентификации и автоматизированные системы, которые играют роль вспомогательного инструментария при выполнении оперативно-

служебных задач. Однако обратной стороной подобного технологического прогресса являются ошибки алгоритмов, результатом которых становится причинение вреда обычным гражданам.

Традиционная модель ответственности, построенная на принципе вины и привязанная к конкретному человеку, сталкивается с существенными затруднениями при внедрении автономных систем. Чем выше степень автономности, тем сложнее определить, чьи действия или бездействие привели к негативным последствиям, а именно причинению вреда. Значительно сложнее обстоит дело с системами, которые обладают частичной автономностью. Их особенностью является принятие решений без непосредственного участия человека в каждом конкретном случае. Классическим примером являются системы автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения. Камера фиксирует нарушение, система идентифицирует транспортное средство, составляет постановление об административном правонарушении и направляет его владельцу. Сотрудник правоохранительных органов не принимает непосредственного участия в принятии подобного решения, тем не менее формально постановление подписывается электронной подписью должностного лица. Полностью автономные системы, в свою очередь, требуют введения новой модели ответственности, аналогичной применению ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности (ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)) [2]. Владелец системы, то есть государственный орган, должен нести ответственность независимо от вины, с возможностью регресса к разработчику в случае обнаружения производственных дефектов.

Вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, подлежит возмещению за счет средств казны Российской Федерации. Ключевым условием применения нормы ст. 1069 ГК РФ является их незаконность действия. Данный элемент классической деликтной модели оказывается наиболее уязвимым при попытке применить его к ошибке алгоритмов искусственного интеллекта (далее – ИИ). Например, сотрудник правоохранительных органов, действуя на основании выданного системой биометрической идентификации лиц определенного результата, задерживает гражданина, но впоследствии выясняется ошибочность алгоритмов ИИ. Формально сотрудник полиции руководствовался служебной информацией, а его процессуальные действия по задержанию могли быть совершены в полном соответствии с законом, поскольку закон не требует от сотрудника полиции проводить независимую верификацию каждого вывода ИИ. Однако результат задержания оказался незаконным, поскольку в основе лежал факт отсутствия тождества между гражданином и разыскиваемым лицом. Таким образом, воз-

никает коллизия между формальной законностью механизма и незаконностью результата его применения.

В основе функционирования технологий биометрической идентификации лежит обработка физиологических и поведенческих характеристик граждан, что позволяет автоматически распознать то или иное лицо. Изначально эта технология использовалась для определения личности в случаях подозрения в совершении преступлений или административных правонарушений для помощи в деятельности правоохранительным органам. Однако в настоящее время она внедрена во многие сферы жизнедеятельности, например, используется в качестве инструмента для контроля доступа к офисам и банкам, входа в компьютерные системы, доступа к онлайн-сервисам и распознавания личности на государственных границах. С одной стороны, подобная технология нарушает права граждан на неприкосновенность частной жизни, гарантированные Конституцией Российской Федерации [3]. Однако, с другой стороны, технология биометрической идентификации позволяет воспитывать честность, ответственность и иные моральные принципы. Так, например, в Китае проект «социального менеджмента» и его элемент, «система социального кредита», позволяют контролировать благонадежность населения через всесторонний сбор и обработку персональных данных граждан. Многие видят в данной системе спасение от роста преступности и облегчение для человека жизни в эпоху глобальной информатизации [1].

В России же большинство систем, используемых правоохранительными органами, способны распознавать лица с вероятностью около 65 %, что не позволяет привлекать людей к ответственности только на основании данных этих систем. Доказательства, полученные с помощью технологии распознавания лиц, требуют проверки их достоверности в рамках судебного процесса [6].

Автоматизированные системы видеофиксации нарушений правил дорожного движения, в том числе используемые для решения служебных задач сотрудниками полиции, демонстрируют проблему «черного ящика» применения алгоритмов ИИ. Камера фиксирует событие правонарушения, а программное обеспечение идентифицирует автомобиль и ее владельца по регистрационному знаку, формируя постановление об административном правонарушении и направляя его владельцу транспортного средства. Сотрудник Госавтоинспекции не участвует напрямую в принятии данного решения. Его участие отражается через наличие в процессуальном документе формальной электронной подписи. В силу непрозрачности подобной системы, а именно нераскрытия критериев квалификации деяния в качестве правонарушения, гражданин лишен возможности объяснения соответствующего решения, принятого автоматизированной системой.

Особую остроту приобретает проблема объяснимости применения алгоритмов ИИ. Если в основе системы лежат данные, которые отражают

исторически сложившиеся предубеждения, например, определенные группы населения по расовому или половому критерию чаще совершают преступления, то она может воспроизводить эти предубеждения в выносимых решениях, даже если сами по себе данные о групповой принадлежности ничем не подкреплены, что обуславливает возникновение феномена алгоритмической дискриминации. Обнаружить такой пробел без прозрачности алгоритмов крайне сложно. В свою очередь, превентивной мерой будет являться установление соответствующих требований к прозрачности, которые должны включать в себя критерии к тестированию систем на факт наличия дискриминационных элементов.

В зарубежной правоприменительной практике показательным представляется инцидент, произошедший 27 марта 2025 года вследствие алгоритмических ошибок систем видеонаблюдения, функционирующих на основе технологий ИИ. Женщина была подвергнута тюремному заключению сроком почти на шесть месяцев. Установлено, что полиция штата Северная Дакота Соединенных Штатов Америки в своей деятельности использовала технологии ИИ по идентификации лиц в целях поимки преступников. Алгоритм нашел сходство между фото настоящей преступницы и данной женщины. Доказательством опровержения ее виновности стали банковские выписки, подтверждающие ее нахождение в другом штате в момент совершения преступления [5].

В российской правовой системе ключевым вектором изменений становится урегулирование отношений, которые возникают в связи с разработкой, внедрением, использованием и иным применением технологий ИИ. С 1 сентября 2027 года вступает в силу федеральный закон, который будет закреплять ответственность за вред, причиненный алгоритмами ИИ, за разработчиком модели ИИ, оператором системы ИИ и владельцем сервиса, в частности за противозаконный результат, но только если о результате его применения было заведомо известно. В том числе гражданам будет предоставлено право на компенсацию вреда, причиненного неправомерным использованием технологий ИИ [4]. Подобная новелла закона закладывает основы регулирования ИИ в России, смещая фокус на локализацию, безопасность и прозрачность.

Необходимым условием легитимности использования ИИ в правоприменительной деятельности сотрудников правоохранительных органов является внедрение многоуровневой системы контроля в сферах, затрагивающих фундаментальные права и свободы граждан. Риск всех правоприменительных систем заключается в юридической фикции человеческого контроля, когда должностное лицо утверждает те или иные решения без возможности их проверки. Разработка эффективной модели контроля является необходимым условием законности и обоснованности использования ИИ в правоприменении. Предварительный контроль, или контроль до непосредственного использования на практике, должен включать оценку

системы на соответствие правовым и этическим требованиям. Следует проверять, на каких данных «обучалась» система, не содержат ли эти данные дискриминационных элементов, насколько точно система работает для различных категорий дел и различных групп населения, соответствует ли она требованиям прозрачности и объяснимости. В некоторых случаях может потребоваться сертификация систем ИИ, предназначенных для использования в правоприменении, которая могла бы проводиться уполномоченным органом и подтверждать соответствие систем установленным требованиям. На государственные органы, закупающие системы, в том числе должна ложиться обязанность по проверке добросовестности разработчиков подобных автоматизированных систем и их соответствующего качества.

Библиографический список

1. Большой китайский брат. Как устроена самая мощная в мире система тотального контроля за населением // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/articles/2019/08/22/credit/> (дата обращения: 08.04.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. : ред. от 14 марта 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.
4. Минцифры опубликовало законопроект о регулировании ИИ // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/18/03/2026/69baed539a7947daf36b8989 (дата обращения: 08.04.2026).
5. Ошибка ИИ-системы распознавания лиц привела к полугодовому аресту невиновной женщины // DNS Клуб. URL: https://club.dns-shop.ru/digest/168333-oshibka-ii-sistemyi-raspoznaniya-lits-privela-k-polugodovomu-arest/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 08.04.2026).
6. Челышева Н. Ю. Правовое регулирование использования биометрических технологий органами государственной власти // Администратор суда. 2024. № 04. С. 25–28.

© Мельник С. В., 2026

© Надтачаев П. В., 2026

© Понтелеева М. А., 2026

УДК 347.51:351.74.08(470)

Мельник С. В., профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Орел);

Надтачаев П. В., заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Аннотация. В статье анализируется правовая природа отношений, возникающих из вреда, причиненного правомерными действиями сотрудников полиции. Авторы указывают на невозможность квалификации подобных случаев как классического деликта ввиду отсутствия ключевого признака противоправности и возникновения ущерба непосредственно из правомерных действий при исполнении служебных полномочий.

Квалификация подобных отношений как квазиделиктных обосновывается тем, что компенсация в данном случае служит не санкцией за вину, а инструментом распределения публичных рисков. Такой подход позволяет определить границы ответственности государства и обеспечить баланс частных и публичных интересов при компенсации исключительно имущественного ущерба.

Ключевые слова: гражданские правоотношения, компенсация ущерба, правомерные действия, возмещение вреда, полиция, обязательства вследствие причинения вреда, баланс интересов, причинение вреда, квазиделикт.

В условиях усиления роли государства в обеспечении общественной безопасности и расширения полномочий полиции особую актуальность приобретает вопрос о правовой природе вреда, причиняемого гражданам в ходе законных, но потенциально опасных служебных действий. Яркими примерами могут служить применение физической силы, спецсредств или огнестрельного оружия сотрудниками полиции при пресечении правонарушений или преступлений, проникновении в жилище, преследовании и задержании подозреваемых и т. п. Формально такие действия соответствуют требованиям Федерального закона от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ «О полиции»

(далее – Закон о полиции), однако их последствия могут привести к образованию как имущественного вреда, так и вреда причиняемого здоровью и жизни граждан (ранения, травмы, а в отдельных случаях – гибель граждан).

Это порождает правовой дисбаланс между публичными и частными интересами, т. е. конфликт между публичной обязанностью государства по эффективному пресечению правонарушений и конституционными правами граждан на неприкосновенность личности, здоровья и частной собственности (ст.ст. 21–25, 35, 36 Конституции Российской Федерации). Сложившаяся правоприменительная практика характеризуется существенным нормативным разрывом, при котором действия сотрудников правоохранительных органов признаются полностью правомерными и обоснованными с точки зрения административного регламента, однако фактически наносят ущерб имущественным или личным неимущественным интересам третьих лиц. В результате законопослушные граждане, понесшие ущерб в ходе оперативно-служебной деятельности полиции, часто лишены действенного юридического механизма для полного и оперативного восстановления своих нарушенных прав.

Прежде всего правовую природу правомерного вреда стоит разграничить от вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц (ст. 1069, п. 2 ст. 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)). Традиционно гражданско-правовая теория опирается на презумпцию виновности и противоправности поведения причинителя вреда, что характерно для классического деликта. Однако при оценке действий полиции такая логика заходит в тупик. Если сотрудник применяет физическую силу, табельное оружие или спецсредства строго в рамках ФЗ «О полиции», его поведение юридически безупречно. Здесь отсутствует главный элемент правонарушения – противоправность. В рамках ст. 1069 и п. 2 ст. 1070 ГК РФ ответственность государства наступает лишь как санкция за управленческую ошибку или произвол, где незаконность акта власти или действие должностного лица очевидно. Напротив, правомерный вред возникает в ситуации, когда государство через своего представителя выбирает «меньшее из зол», защищая правопорядок ценой умаления интересов случайных лиц.

Классическая модель, основанная на генеральном деликте в таких спорах, «пробуксовывает» из-за жесткой привязки к вине. Суды часто отказывают гражданам в исках к казне, мотивируя это законностью приказов и действий сотрудников. Получается парадокс: чем профессиональнее работал полицейский, тем меньше шансов у пострадавшего соседа или автовладельца получить компенсацию по правилам ст. 1069 и п. 2 ст. 1070 ГК РФ.

Попытка втиснуть эти отношения в рамки обычного гражданского правонарушения игнорирует публичную природу риска, который несет общество при выполнении государством охранных функций. В случае

с правомерным вредом речь идет не о наказании виновного сотрудника, а о справедливом распределении бремени чрезвычайных расходов. Когда полиция взламывает чужую дверь для поимки преступника, ущерб наносится не из-за «плохой» работы ведомства, а ради безопасности всех граждан. Поэтому подмена понятий и навязывание в подобных случаях пострадавшему роли истца в деликтном споре создает ложный вектор доказывания, где вместо оценки размера ущерба стороны вынуждены годами спорить о правомерности или неправомерности действий сотрудников полиции.

Не все также однозначно обстоит с квалификацией действий, совершенных в состоянии крайней необходимости. Данный правовой институт занимает пограничное положение в противопоставлении между противоправными деяниями и правомерным причинением вреда.

Крайняя необходимость в цивилистическом понимании детерминирована устранением опасности, угрожающей самому причинителю или третьим лицам, при условии, что данная опасность не могла быть устранена иными средствами. Здесь законодатель признает действия социально полезными или допустимыми. При этом он сохраняет обязанность возместить ущерб.

Выявленный парадокс заключается в признании целесообразности или прямой необходимости совершенного действия при одновременном сближении его имущественных последствий с признаками обычного деликта. Разрыв между правомерностью стимула и вредоносностью результата заставляет суд искать баланс интересов. Судебная дискреция, закрепленная в ст. 1067 ГК РФ, позволяет перенести обязанность по возмещению вреда на третье лицо, в чьих интересах действовал причинитель, либо вообще освободить обе стороны от выплат. Такой подход фактически размывает жесткие границы концепции генерального деликта, которая традиционно замыкается на фигуре конкретного причинителя вреда. В данном случае крайняя необходимость служит основанием, чтобы перераспределить убытки, опираясь на соразмерность и справедливость. Это превращает ее в автономный институт, ограничивающий общее правило об ответственности любого лица, чьи действия повлекли умаление чужого блага.

Специфика проблемы в том, что гражданское право, в отличие от уголовной доктрины, сохраняет компенсационную функцию даже при социальной полезности или допустимости действий. Таким образом, ст. 1067 ГК РФ работает как специальная норма, не отменяя саму конструкцию генерального деликта, но существенно трансформируя механизм реализации ответственности. Исключением здесь выступает правомерный вред, причиненный сотрудниками полиции, которые законом освобождены от возмещения. При этом далеко не любое вмешательство полиции подпадает под признаки крайней необходимости; показательный пример – случайный ущерб третьим лицам при проведении силовых операций. Вместе

с тем п. 3 ст. 1064 ГК РФ предусматривает возможность возмещения вреда, причиненного правомерными действиями, но только в случаях, прямо предусмотренных законом. К таким случаям закон относит: возмещение за изымаемый земельный участок (ст. ст. 279, 281 ГК РФ); возмещение транспортным организациям расходов, понесенных в связи с предоставлением льгот или преимущества по провозной плате за перевозку грузов, пассажиров и багажа (ст. 790 ГК РФ); компенсацию Российской Федерации ущерба, причиненного личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями органа регистрации прав (ст. 66 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»); возмещение вреда, причиненного в результате террористического акта (ч. 2 ст. 18 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»); возмещение владельцам транспортных средств понесенных ими расходов либо причиненного им материального ущерба (п. 37 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции»).

Как видно из приведенных примеров, только в двух случаях это касается вреда, причиненного силовыми структурами, в то время как вред, нанесенный правомерными действиями сотрудников, может быть более разнообразным. Например, повреждение имущества, причинение телесных повреждений гражданам в ходе задержания преступника и т. п.

В 2012 году в ГК РФ (часть первая) была добавлена ст. 16.1 «Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления». Данная статья также, как и п. 3 ст. 1064 ГК РФ, предусматривает возможность реагирования на негативный результат правомерных действий в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом. Перечень случаев, указанных в законе, остался прежними, что и для п. 3 ст. 1064 ГК РФ, перечисленный нами выше.

Вместе с тем назвать эти нормы идентичными или дублирующими друг друга нельзя. Между ними есть существенные отличия, так в ст. 16.1 ГК РФ было определено, что подлежит компенсации ущерб, а не возмещается вред. Четко был обозначен круг ответственных лиц и лиц, имеющих право на компенсацию за ущерб. К первым были отнесены государственные органы, органы местного самоуправления или должностные лица этих органов, а также иные лица, которым государством делегированы властные полномочия. Ко вторым – физические лица за ущерб, причиненный личности или имуществу, а также юридические лица за ущерб, причиненный их имуществу.

Казалось бы, вопрос решен, но в правоприменительной практике за почти 14 лет существования этой нормы вопросов, связанных с удовлетворением интересов потерпевших от правомерных действий сотрудников полиции, только прибавилось.

Так что же представляет собой правовая природа правоотношений, возникающих в результате причинения правомерного вреда? В юридической литературе не сложилось однозначного мнения по поводу этого вопроса. Одни авторы указанные правоотношения рассматривают как деликтные обязательства или специальный деликт [1, 2, 3].

Специальные деликты в отечественном законодательстве выделяются по принципу привлечения к ответственности лица, совершившего деяние, выразившееся в виде действия или бездействия, повлекшего за собой вредоносные последствия без наличия признаков полного юридического состава, предусмотренного генеральным деликтом, нашедшим свое отражение в п. 1 ст. 1064 ГК РФ. В отличие от указанной статьи, устанавливающей универсальную презумпцию вины, специальные составы изменяют условия наступления ответственности, исходя из правового статуса причинителя вреда или характера его деятельности. Здесь вина нередко уступает место объективному вменению, как в случае с владельцами источников повышенной опасности, либо дополняется специфическими процессуальными гарантиями при деликтах власти. Специальный деликт выступает инструментом целевого распределения рисков, позволяя законодателю гибко регулировать ответственность в зонах повышенной социальной значимости или профессионального риска.

Но при более детальном анализе мы приходим к выводу, что специальный деликт – это один из видов обязательства вследствие причинения вреда, где противоправность деяний лица очевидна, а вина лица презюмируется, хотя в отдельных случаях и не учитывается.

В этой связи точка зрения Н. А. Малышевой представляется наиболее интересной и, на наш взгляд, верной. В своих работах [4, 5, 6] автор последовательно обосновывает принцип неполного возмещения вреда в контексте правоотношений, возникающих из правомерных действий госорганов (ст. 16.1 ГК РФ), как квазиобязательство. Автор подчеркивает, что такие ситуации не подпадают под классические деликтные обязательства. Вред возникает не из-за нарушений закона, а вследствие реализации властных полномочий в установленных рамках.

Ключевым аргументом здесь служит необходимость баланса частных и публичных интересов: государство, допуская возможность ущерба при выполнении социально значимых задач (например, пресечении преступлений), берет на себя обязанность компенсировать лишь реальный имущественный ущерб (ст. 16.1 ГК РФ), исключая упущенную выгоду. Это не мера ответственности за вину, а форма государственной компенсации. Своего рода компромисс, обеспечивающий эффективность госуправления без чрезмерной нагрузки на бюджет.

Квазиобязательственная природа данных отношений определяет компенсацию не как инструмент ответственности, а как способ частично-

го восстановления прав потерпевшего на стыке частных и публичных интересов.

Авторы статьи считают изложенную точку зрения наиболее отвечающей современному пониманию правовой природы отношений, связанных с негативными последствиями, возникающими в результате правомерных действий сотрудников полиции, с небольшим уточнением. Соглашаясь с их квазиобязательственной природой, считаем более верным квалифицировать их как квазиделикт, что, по нашему мнению, более точно отражает их содержание.

Библиографический список

1. Алыев Р. А. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями в ходе проведения контртеррористических операций // Современное право. 2018. № 4. С. 96–98.

2. Гинц Е. М. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2014.

3. Гражданское право : в 2 т. / под ред. Е. А. Суханова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2009.

4. Малышева Н. А. Принцип неполного возмещения вреда в квазиобязательственных правоотношениях // Цивилист. 2022. № 1 (37). С. 81–85.

5. Малышева Н. А. Статья 16.1 ГК РФ как норма-принцип // Цивилист. 2022. № 3 (39). С. 61–67.

6. Малышева Н. А. Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, в системе внедоговорных обязательств // Реформирование правовой модели договорных и внедоговорных обязательств в эпоху создания национальной цифровой экосистемы : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 14 мая 2021 года / сост. А. В. Тумаков. М. : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2021. С. 102–105.

© Мельник С. В., 2026

© Надтачаев П. В., 2026

УДК 347.918

Морин А. В., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа);

Лаврентьев А. Р., заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Нижний Новгород)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПЕНСАЦИИ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. В статье на основе анализа научной литературы и практики применения действующего законодательства автор рассматривает обязательства, возникающие вследствие причинения вреда правомерными действиями сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, и дает им краткую характеристику.

Ключевые слова: обязательства вследствие причинения вреда, служебная проверка, виновное поведение, возмещение причиненного вреда.

Правовую основу возмещение вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов, законодатель заложил в статье 16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). В ней говорится о том, что ущерб, причиненный правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, как личности, так и имуществу гражданина подлежит компенсации [1].

Алгоритм возмещения вреда, причиненного правомерными действиями сотрудников органов внутренних дел, на наш взгляд, прост, однако имеет свои существенные особенности. Так, потерпевшему необходимо самому установить факт причинения вреда и зафиксировать обстоятельства его причинения (дату, место, участников, уточнить характер вреда), а также собрать необходимые на его взгляд доказательства. После чего следует проанализировать действия сотрудника полиции на предмет их правомерности либо противоправности, что, в свою очередь, повлияет на выбор способа защиты прав потерпевшего, и письменно обратиться

к причинителю вреда с требованием о его возмещении (с предоставлением документов, подтверждающих обстоятельства причинения вреда и копий имеющихся доказательств). В дальнейшем же, в случае отказа или отсутствия ответа со стороны органа внутренних дел, возможным представляется обращение в вышестоящий орган или суд.

Особенности рассматриваемого нами алгоритма начинают проявляться с момента обращения потерпевшего в органы внутренних дел с заявлением. И в большей мере они связаны именно с порядком действий органов внутренних дел в случае получения подобных заявлений от граждан.

В результате, в соответствии с Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», приказами МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» и от 26 марта 2013 г. № 161 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации» после регистрации надлежащего заявления руководитель, наделенный соответствующим правом, инициирует проведение положенной служебной проверки. В процессе ее проведения компетентные должностные лица всесторонне оценивают правомерность действий соответствующего сотрудника полиции и по результатам составляют заключение [2].

На наш взгляд, именно анализ правомерности действий сотрудника в рамках проводимой проверки и является наиболее сложным этапом на пути к возмещению причиненного вреда, поскольку наряду с достаточно лаконичными требованиями, предъявляемым к сотруднику положениями Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», порядок деятельности органов внутренних дел и их сотрудников регламентируется достаточно большим перечнем нормативных правовых актов.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что правомерные действия должностных лиц, находящихся при исполнении своих служебных обязанностей, даже если они сопряжены с причинением вреда или угрозой его причинения, состояние необходимой обороны не образуют (об этом в том числе велась речь в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление») [3]. В этой связи правомерность причиненного вреда мы будем рассматривать с точки зрения положений законодательства о крайней необходимости.

В целом же правомерность действий сотрудников полиции выявляется в совокупности проявления следующих условий:

- защита законных прав или интересов, которым угрожает опасность, не могла быть осуществлена без причинения вреда;
- защищаемые права или интересы должны быть более значимыми, нежели нарушаемые;
- причинителем вреда должны быть предприняты все действия по минимизации неблагоприятных последствий.

Следует также отметить, что особое значение в возникновении рассматриваемых обязательств причинения вреда имеет наличие специальных норм, в которых законодатель прямо указывает на случаи его правомерного причинения государственными органами. К ним, например, следует отнести компенсацию вреда, причиненного правомерными действиями по пресечению террористического акта и ликвидации его последствий лицам, не принимавшим участия в осуществлении данного террористического акта, или же компенсации ущерба, причиненного в результате использования в ситуациях, не терпящих отлагательства, транспортных средств физических и юридических лиц, сотрудниками органов внутренних дел [4, 5].

Таким образом, образуется ситуация, по которой, в случае прямого указания на то в законе, компенсация причиненного ущерба сразу осуществляется непосредственным причинителем. В случаях же когда подобного рода нормы отсутствуют, вступает в силу положения гражданского законодательства о крайней необходимости и, в частности, положения статьи 1067 ГК РФ. В результате, если вред причинен сотрудником органов внутренних дел в условиях крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей сотруднику органов внутренних дел или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами, вред должен быть возмещен органами внутренних дел. Учитывая же обстоятельства, при которых был причинен такой вред, суд может возложить обязанность его возмещения на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или частично как третье лицо, так и причинившего вред (в нашем случае органы внутренних дел) [1].

В заключение отметим, что доказательство правомерности действий сотрудников органов внутренних дел не исключает наступления обязательств по возмещению причиненного вреда. Для возникновения же обязательств по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями сотрудников органов внутренних дел, суду необходимо будет установить совокупное, взаимосвязанное наличие таких условий, как: вред; причинно-следственную связь между возникшим вредом и действиями сотрудника, которому предоставлены определенные полномочия; правомерность его действий, а также наличие правовой нормы, устанавливающей возмещение вреда при данных обстоятельствах.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями от 13 декабря 2024 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 26 марта 2013 г. № 161. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О противодействии терроризму : федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Морин А. В., 2026

© Лаврентьев А. Р., 2026

УДК 351.743:351.759.5 (470)

Ермолаев О. И., старший юрисконсульт
Правового отдела МВД по Республике
Башкортостан (Россия, г. Уфа)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗНАЧИМОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ СЛУЖЕБНОЙ ПРОВЕРКИ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СВЯЗАННЫХ С ПРИЧИНЕНИЕМ ВРЕДА ДЕЙСТВИЯМИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. Статья посвящена процедуре служебной проверки как правовому механизму установления причин и условий причинения вреда сотрудниками органов внутренних дел. Анализируются нормативные основания проведения служебной проверки, предусмотренные Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и ведомственным приказом МВД России от 26 марта 2013 г. № 161 «Об утверждении Порядка прове-

дения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации». Автор выделяет основные и ситуационные обязанности проводящего проверку сотрудника, а также обращает внимание на законодательные ограничения, требующие взаимодействия со Следственным комитетом Российской Федерации. Обосновывается межотраслевой характер правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: служебная проверка, сотрудник органов внутренних дел, причинение вреда, правомерность действий, служебная деятельность, МВД России, юридическая оценка, служебная дисциплина, ведомственный контроль, межотраслевое регулирование, доказательства, Порядок проведения проверки.

Служебная деятельность органов внутренних дел при реализации возложенных на нее полномочий ежедневно наполнена ситуациями, которые взаимосвязаны с необходимостью выяснения причин и условий, повлекших причинение сотрудниками органов внутренних дел вреда, под которым, исходя из содержания гражданского законодательства, понимается умаление охраняемых законом материальных (имущественных) или нематериальных (жизнь, здоровье) благ.

Исходя из содержания части 3 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом.

К наиболее часто встречающимся случаям правомерного причинения вреда сотрудниками органов внутренних дел (далее – сотрудники) (в том числе тех, кому присвоено специальное звание полиции) относятся случаи, связанные с применением физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия.

Вместе с тем вопросы о наличии (отсутствии) необходимости возмещения вреда, как и юридическая оценка правомерности (неправомерности) причинения вреда, выяснения причин и условий, способствующих причинению вреда, установление причинно-следственной связи с действиями сотрудника для их всестороннего, полного, объективного анализа и разрешения, безусловно, требуют соблюдения определенной процедуры. Универсальной и наиболее часто применяемой в таких случаях процедурой является процедура служебной проверки, проведение которой в настоящее время урегулировано статьей 52 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] и Порядком проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденным приказом МВД России от 26 марта 2013 г. № 161 (далее – Порядок) [4].

Отсутствие официально урегулированной, детализированной процедуры служебной проверки негативно отражалось бы на всей служебной деятельности органов внутренних дел и создавало бы реальный риск для произвольной, основанной на собственном, личном усмотрении, оценки и выяснения вышеуказанных обстоятельств.

Обратившись к историческому аспекту, связанному с развитием и совершенствованием процедуры служебной проверки в органах внутренних дел, необходимо отметить, что к одному из первых таких опытов по правовому урегулированию данной процедуры на современном историческом этапе Российской Федерации относится издание приказа МВД России от 26 февраля 1996 г. № 129 «О мерах по обеспечению законности в органах внутренних дел Российской Федерации и укреплению собственной безопасности» [5], который отдельным приложением утвердил Временную инструкцию о порядке осуществления контроля за состоянием собственной безопасности и законности в органах внутренних дел Российской Федерации и проведения служебных проверок по правонарушениям, совершенным сотрудниками органов внутренних дел.

Практическая польза правового регулирования процедуры служебной проверки заключается в том, что благодаря ему возможно дать юридическую оценку как действиям сотрудника, которым причинен вред, так и действиям, например, сотрудника, проводящего, назначившего служебную проверку на всех стадиях ее проведения, с момента назначения до момента утверждения письменного заключения по результатам служебной проверки, в результате чего реализуется на практике правовой принцип всесторонности ее проведения.

Для того чтобы прийти к выводу о правомерности (неправомерности) причинения вреда, сотрудник, проводивший служебную проверку, обязан в зависимости от конкретных обстоятельств, возникших при ее проведении, выполнить перечень обязанностей, предусмотренных пунктом 30 Порядка, утвержденного приказом МВД России от 26 марта 2013 г. № 161. Перечень этих обязанностей условно можно разделить на основные (те, которые осуществляются всегда при проведении процедуры служебной проверки, к ним относятся, например, обязанность: разъяснить заявителям и сотрудникам, в отношении которых проводится служебная проверка, их права и обеспечить условия для реализации этих прав); и те, которые необходимо выполнить при возникновении той или иной ситуации, отдельно оговоренной в данном правовом акте (к ним относятся, например, обязанность: ознакомить сотрудника, в отношении которого проводится служебная проверка, в случае его обращения, оформленного в письменном виде, с заключением по ее результатам в течение пяти рабочих дней с момента обращения).

Безусловно, к выводу о правомерности (неправомерности) причинения сотрудником вреда в результате осуществления им служебной деятель-

ности возможно прийти только по итогам проведенного объективного изучения, анализа собранных в ходе служебной проверки доказательств. При этом следует отметить, что в зависимости от той или иной конкретной ситуации, повлекшей причинение вреда, может так сложиться, что полномочий лица, проводящего служебную проверку, окажется недостаточно, чтобы дать юридическую оценку всем аспектам ситуации, возникшей с участием сотрудника полиции. Так, в подтверждение сказанному следует отметить, что в соответствии с пунктом 9 Порядка, утвержденного приказом МВД России от 26 марта 2013 г. № 161, установлен прямой запрет в рамках проведения служебной проверки совершать действия, отнесенные к компетенции органов дознания и предварительного следствия. На практике в таких случаях способом выхода из такого положения дел является направление письменного заключения по результатам служебной проверки в подразделения Следственного комитета Российской Федерации, к подследственности которых, в соответствии с пунктом «в» части 2 статьи 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2], относятся преступления, совершенные сотрудниками органов внутренних дел. Получив заключение по результатам служебной проверки и материалы к нему, сотрудники подразделений Следственного комитета Российской Федерации проводят проверку в порядке статей 144–145 УПК РФ, по результатам которой выносят постановление о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела.

Резюмируя вышеизложенное, возможно отметить немаловажную особенность: в вопросе правомерности (неправомерности) причинения вреда сотрудником органов внутренних дел задействованы правовые нормы самых различных отраслей права (гражданского, специальных норм права, регулирующих правоотношения, связанные с прохождением службы в органах внутренних дел, уголовно-процессуального права), что является реальным примером их взаимосвязанности между собой и того, что ни одна отрасль права не существует автономно.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 29 января 1996 г. № 5, ст. 410; Российская газета. № 23. 6 февраля 1996 г.; № 24. 7 февраля 1996 г.; № 25. 8 февраля 1996 г.; № 27. 10 февраля 1996 г.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Парламентская газета. № 241-242. 22 декабря 2001; Российская газета. № 249. 22 декабря 2001.
3. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Официаль-

ный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.04.2026).

4. Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 26 марта 2013 г. № 161 // Российская газета. 2013. № 127.

5. О мерах по обеспечению законности в органах внутренних дел Российской Федерации и укреплению собственной безопасности : приказ МВД России от 26 февраля 1996 г. № 129. Документ официально опубликован не был.

© Ермолаев О. И., 2026

УДК 347.56

Шухарева А. В., заместитель начальника кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Нижний Новгород)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ОТМЕНЕ ПОСТАНОВЛЕНИЙ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА СИСТЕМЫ МВД РОССИИ)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы, возникающие при взыскании за счет казны Российской Федерации расходов на оплату услуг представителя, иных убытков и компенсации морального вреда в связи с отменой постановления о привлечении к административной ответственности. На основе анализа разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, ведомственных приказов и судебной практики автором выявляются правовые позиции, позволяющие минимизировать имущественные потери МВД России, а также предлагаются механизмы регрессного взыскания с виновных должностных лиц и третьих организаций. Отдельное внимание уделено доказыванию чрезмерности расходов, отсутствию вины должностного лица и условиям компенсации морального вреда.

Ключевые слова: судебно-исковая работа, МВД России, административная ответственность, судебные расходы, убытки, моральный вред, регресс, казна Российской Федерации.

Актуальность темы обусловлена устойчивой судебной практикой, когда граждане, в отношении которых производство по делу об административном правонарушении прекращено (за отсутствием события, состава, недоказанностью), обращаются с исками к Российской Федерации в лице МВД России о возмещении понесенных издержек. Согласно официальному обзору, в 2024 году в Верховном Суде Российской Федерации находилось 593 дела с участием органов внутренних дел: рассмотрено 86 дел, из которых в 40 случаях решения вынесены в пользу МВД России (46,5 %). Одновременно общее количество удовлетворенных исков, предъявленных к системе МВД России, снизилось на 15,4 % (до 9 174 исков), а взысканная сумма уменьшилась на 16 % – до 1 млрд 193 млн рублей. Столь низкая результативность во многом связана с формальным подходом к обжалованию, повторением доводов апелляции и отсутствием процессуальных оснований для отмены. В этих условиях первостепенное значение приобретает правильная организация защиты на стадии рассмотрения исков о взыскании расходов, убытков и компенсации морального вреда, а также последующая регрессная работа.

Согласно части 1 статьи 24.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), расходы на оплату труда представителя не включены в перечень издержек по делу об административном правонарушении [1]. Однако, как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации, эти расходы могут быть взысканы в порядке статей 15, 1069, 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации за счет казны, если дело прекращено вследствие отсутствия события или состава правонарушения, либо недоказанности обстоятельств. При этом важно подчеркнуть: если производство прекращено за истечением сроков давности – это, по определению Верховного Суда Российской Федерации от 28 октября 2024 г. № 21-КГ24-4-К5, не свидетельствует о незаконности действий органов внутренних дел [2]. Соответственно, такие расходы могут не подлежать возмещению.

На что же обратить внимание правовым подразделениям? Прежде всего, на возможность доказать чрезмерность заявленных сумм. В определении от 10 марта 2022 г. № 305-ЭС21-22671 Верховный Суд Российской Федерации прямо указал: суд вправе уменьшить размер расходов на оплату услуг представителя в разумных пределах [3]. Разумными считаются те расходы, которые при сравнимых обстоятельствах обычно взимаются за аналогичные услуги. При этом разумность судебных издержек не может быть обоснована известностью представителя. Нужно обязательно готовить письменные возражения, ссылаясь на объем заявленных требований, сложность дела, время, затраченное представителем. Без таких возражений суды часто взыскивают завышенные суммы.

Кроме того, бремя доказывания факта несения расходов лежит на самом истце. Если квитанция оформлена ненадлежащим образом, от-

существует соглашение между адвокатом и доверителем, приходно-кассовый ордер или кассовая книга – суд может признать расходы недоказанными (определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 января 2023 г. № 16-КАД22-20-К4) [4]. Так называемый «гонорар успеха» (то есть выплата только в случае положительного исхода) не может быть взыскан как судебные расходы, поскольку не связан напрямую с оказанием правовых услуг и представительством в суде. Еще один важный момент – доверенность представителя. Если доверенность является общей (а не выданной для участия в конкретном деле), расходы на ее оформление возмещению не подлежат.

Большие суммы взыскиваются в качестве компенсации морального вреда по таким делам. Однако сам по себе факт прекращения дела об административном правонарушении не является автоматическим основанием для удовлетворения таких требований. Как следует из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (далее – постановление № 33), для компенсации морального вреда необходимо установить: факт физических или нравственных страданий потерпевшего; неправомерные действия (бездействие) причинителя вреда; причинную связь между ними; вину причинителя [5]. Истец обязан доказать, что именно составление протокола, вызовы в суд, административное преследование вызвали у него страдания.

К сожалению, как показывает анализ правоприменительной практики, суды в отдельных случаях исходят из презумпции достаточности для компенсации морального вреда самого факта прекращения дела. Это ошибочная позиция. Известны примеры, когда суды первой инстанции удовлетворяли иски о компенсации морального вреда лишь на том основании, что постановление о привлечении к ответственности было отменено, даже без выяснения того, испытывал ли гражданин какие-либо страдания. Защитникам МВД России необходимо активно ссылаться на пункты 12 и 14 постановления № 33, доказывая отсутствие вины должностного лица либо отсутствие причинно-следственной связи.

Классический пример – дело, рассмотренное Верховным Судом Российской Федерации (определение от 17 марта 2020 г. № 83-КГ20-1) [6], где основанием для прекращения дела об административном правонарушении послужили нарушения, допущенные врачом при медицинском освидетельствовании на состояние опьянения, а не противоправный характер действий сотрудника ГИБДД. В такой ситуации вины МВД России нет, и взыскание убытков (а тем более морального вреда) с Российской Федерации в лице МВД России необоснованно. При новом рассмотрении в иске было отказано.

Особого внимания заслуживает механизм регресса. Если Министерство финансов Российской Федерации исполнило решение суда и за счет

казны Российской Федерации выплатило гражданину определенную сумму, МВД России как главный распорядитель бюджетных средств вправе предъявить регрессный иск к виновному должностному лицу, а также – если ошибка допущена иными организациями (почта, медицинские учреждения, суд при нарушении порядка извещения) – к данным организациям.

Важные процессуальные нюансы:

1. Право на регресс возникает с момента фактического возмещения вреда, подтвержденного платежным поручением. Именно с этой даты исчисляется срок исковой давности.

2. Обратиться с регрессным иском в интересах Российской Федерации может только представитель, имеющий доверенность от МВД России, а не от территориального органа. То есть доверенность, выданная УМВД по региону, для регресса не подойдет – нужно полномочие от центрального аппарата.

3. Несмотря на отсутствие императивного досудебного порядка, рекомендуется направлять виновному лицу предложение о добровольном возмещении ущерба. Это позволит избежать дополнительных судебных расходов.

Особенность доказывания по регрессным делам: вина причинителя вреда презюмируется. Истец (МВД России) не обязан доказывать вину ответчика, достаточно указать на нее в иске. Однако нужно доказать, что ответчик является тем лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также сам факт причинения вреда и его размер. Как верно отмечено в исходной презентации, «применительно к обязанности доказывания это означает, что истец в исковом заявлении ссылается на вину ответчика, но не обязан ее доказывать».

Также следует учитывать: если по первоначальному иску о взыскании с казны должностное лицо не было привлечено к участию в деле в качестве третьего лица, это может стать основанием для отмены судебных актов о регрессном взыскании. Поэтому практика должна быть единообразной: на стадии рассмотрения иска гражданина обязательно заявлять ходатайство о привлечении сотрудника (или иного виновного лица) Обобщение материалов судебной практики и правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации позволяет сформулировать ряд прикладных рекомендаций, значимых для выстраивания эффективной судебной-исковой работы в органах внутренних дел.

1. Определение правового основания прекращения производства по делу об административном правонарушении. Поступающий в подразделение иск гражданина о возмещении расходов либо убытков, мотивированный отменой постановления, требует обязательной проверки того, по какому именно из предусмотренных КоАП РФ оснований дело прекращено. Как следует из определения Верховного Суда Российской Федерации от 28 октября 2024 г. № 21-КГ24-4-К5, истечение сроков давности привле-

чения к ответственности само по себе не образует условий для возмещения за счет казны – в отличие от ситуаций, связанных с отсутствием события или состава правонарушения либо недоказанностью вины [2].

2. Оспаривание размера судебных издержек и бремя доказывания их реальности. В тексте возражений на иск целесообразно приводить расчетную аргументацию о чрезмерности заявленных сумм, опираясь на среднерыночные показатели стоимости юридических услуг в соответствующем регионе. При этом от истца надлежит требовать документального подтверждения факта несения расходов (адвокатское соглашение, платежные поручения, приходно-кассовые ордера). Из суммы, предъявляемой к взысканию, подлежат исключению так называемый «гонорар успеха» (поскольку он не относится непосредственно к оказанию правовой помощи), а также издержки на оформление общей доверенности, не привязанной к конкретному делу или судебному заседанию.

3. Условия компенсации морального вреда. Сам факт прекращения производства по делу об административном правонарушении не влечет автоматического возникновения права на компенсацию морального вреда. Как разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», обязательному доказыванию подлежат: наличие нравственных или физических страданий, противоправный характер действий (бездействия) должностного лица, причинно-следственная связь между ними, а также вина причинителя вреда [5]. Отсутствие хотя бы одного из этих элементов – и в особенности недоказанность вины конкретного сотрудника либо отсутствие страданий – позволяет правовому подразделению отстаивать отказ в удовлетворении данной части исковых требований.

4. Регресс как механизм восстановления казенных средств. Предъявление регрессного иска к виновному лицу (либо к организациям, допустившим ошибки – медицинские учреждения, почта, суд) признается действенным способом возврата денежных средств, выплаченных из федерального бюджета. Для реализации этого механизма необходимо соблюдение нескольких условий: а) дожидаться фактического исполнения первоначального судебного акта, что подтверждается платежным поручением Министерства финансов Российской Федерации; б) располагать доверенностью, выданной именно центральным аппаратом МВД России (полномочия от территориального органа для регресса недостаточны); в) обеспечить привлечение виновного должностного лица к участию в первоначальном процессе в качестве третьего лица – в противном случае возникает риск отмены судебных актов по регрессному иску. Течение срока исковой давности по регрессным требованиям начинается с момента, когда произведено возмещение вреда за счет казны.

5. Требования к содержанию кассационных жалоб. Формальный подход к обжалованию, выражающийся в дословном воспроизведении доводов апелляционной жалобы, не приводит к отмене неблагоприятных судебных актов. «Статистика это подтверждает: в 2024 году из 86 рассмотренных в Верховном Суде Российской Федерации дел с участием МВД России положительный исход (удовлетворение жалобы ведомства либо отказ в удовлетворении жалобы противоположной стороны) достигнут по 40 делам, что составило 46,5 %. При этом удельный вес удовлетворенных исков к территориальным органам МВД России из числа рассмотренных судами общей юрисдикции составил 34 % (в 2023 году – 37,8 %). Убедительная кассационная жалоба должна указывать на конкретные существенные нарушения норм процессуального или материального права, повлиявшие на исход дела, а не ограничиваться выражением несогласия с произведенной судами оценкой доказательств. Повторение позиции, уже проверенной судом апелляционной инстанции, кассацией признается несостоятельным.

В завершение следует подчеркнуть, что судебно-исковая работа в системе МВД России требует не только процессуальной грамотности, но и системного анализа причин, по которым выносятся незаконные постановления. Согласно пунктам 12.2 и 3.3 Инструкции по организации судебно-исковой работы в системе МВД России [7], правовое подразделение обязано вносить руководителю предложения по устранению и предупреждению нарушений, повлекших привлечение МВД России к участию в деле. Без такой профилактической работы никакое регрессное взыскание не сможет компенсировать репутационные потери и отвлечение бюджетных средств.

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.
2. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 октября 2024 г. № 21-КГ24-4-К5. URL: <https://base.garant.ru/410989624/> (дата обращения: 01.04.2026).
3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 305-ЭС21-22671. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-10032022-n-305-es21-22671-po-delu-n-a40-2140712020/> (дата обращения: 01.04.2026).
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 января 2023 г. № 16-КАД22-20-К4 // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406158419/> (дата обращения: 01.04.2026).

5. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации». 2023. № 2.

6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2020 г. № 83-КГ20-1 // Законодательство РФ. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-17032020-n-83-kg20-1-2-902019/> (дата обращения: 01.04.2026).

7. Об утверждении Инструкции по организации судебно-исковой работы в системе МВД России : приказ МВД России от 27 декабря 2018 г. № 888. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Шухарева А. В., 2026

УДК 347.56:351.74

Киселева К. А., доцент кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Нижний Новгород)

ЦЕНА ПОРЯДКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ОТ ПРАВОМЕРНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПОЛИЦИИ

Аннотация. В статье разбирается один из самых спорных институтов деликтного права – возмещение ущерба от правомерных действий полицейских. Автор показывает, как сталкиваются публичный интерес и частное право. Однако сегодняшнее законодательство превращает граждан в заложников законного насилия. В работе предлагаются разные варианты: от поправок в статью 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации до создания внесудебной системы компенсаций.

Ключевые слова: возмещение вреда, правомерные действия полиции, публично-правовая ответственность, деликт, ст. 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации, компенсационные механизмы.

Гражданско-правовая доктрина по умолчанию исходит из того, что вред от законных действий не компенсируется – разве что сам закон прямо говорит об обратном (ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации). Ф. М. Достоевский писал: «Цивилизация делает человека, если не всегда жестоким, то часто жестокосердным». Работа полиции – лучшее тому подтверждение.

Обратимся к цифрам. Согласно отчетам Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2022–2024 годы в суды поступило 1 247 исков о возмещении вреда от действий сотрудников полиции, которые в итоге признали правомерными. Удовлетворено из них только 43, то есть 3,4 % [6, с. 12]. Остальные 96,6 % заявителей получили отказ с формулировкой: «Действия правомерны, оснований для компенсации нет». Цицерон говорил: *Summum jus, summa injuria* («Высшая справедливость оборачивается высшей несправедливостью»). Буквальное следование закону здесь попирает его собственный дух.

Между тем, в науке сложились три основные позиции.

Первый подход – консервативный. Его сторонники придерживаются позиции «Нет незаконности – нет компенсации». В. А. Белов резонно замечает: «Причинение вреда в рамках закона – это реализация государственного суверенитета, который не может быть поставлен под сомнение частным иском» [2, с. 115]. Но не превращается ли гражданин при таком подходе в «заложника правомерного насилия»?

Второй – либеральный (его отстаивает Ю.Н. Андреев): государство, как предприниматель, оказывающий публичные услуги, должно возмещать любой вред от своей деятельности. Однако, как метко заметил Отто фон Бисмарк, «государство не благотворительное общество». Бюджет не безразмерен. Обещать возмещать все – значит фактически не возмещать ничего.

Третий – компромиссный вариант. Теория экстраординарного вреда. Именно она сегодня преобладает в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации. В постановлении от 17 июня 2004 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 155, пунктов 2 и 3 статьи 156 и абзаца двадцать второго статьи 283 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросами Администрации Санкт-Петербурга, Законодательного Собрания Красноярского края, Красноярского краевого суда и Арбитражного суда Республики Хакасия» Конституционный Суд указал: «Отсутствие специального закона не препятствует возмещению вреда на основе общих принципов права» [4]. Но, как гласит латинская поговорка: *Exceptio probat regulam* («Исключение подтверждает правило»). На деле суды используют эту оговорку как удобный повод для отказа.

Анализ судебной практики за последние годы позволяет выделить четыре устойчивые правоприменительные коллизии, которые фактически блокируют возможность получения компенсации гражданами, пострадавшими от правомерных действий полиции.

Проблема 1. Правомерность как алиби. Вот типичное судебное решение: «Поскольку действия сотрудников полиции признаны законными, основания для возмещения вреда, предусмотренные ст. 1064, 1070 ГК РФ, отсутствуют» (Решение Советского районного суда г. Казани № 2- 451/2023). Л. Толстой сравнивал закон с паутиной: «Шмель прорвет-

ся, муха увязнет». Рядовой гражданин с обычным вредом «увязает», а крупные потери остаются без компенсации.

Проблема 2. Неопределенность критериев. Апелляционное определение Мосгорсуда № 33-12789/2024 отказывает в иске, потому что вред «неизбежен при пресечении преступления». В другом деле (№ 33-4589/2023), напротив, присуждает компенсацию, поскольку вред причинен «несоразмерно». К. Маркс писал о переходе количества в качество, но суды не знают, где проходит эта грань. Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев в одном интервью заметил: «Судейское усмотрение – это не произвол, а ответственность». Однако без четких ориентиров усмотрение неизбежно превращается в лотерею.

Проблема 3. Имитация правосудия через неосновательное обогащение. Некоторые суды предлагают обращаться с исками из статьи 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации (неосновательное обогащение). Это, мягко говоря, юридический нонсенс. Н. С. Малеин справедливо указывает: «Неосновательное обогащение предполагает отсутствие правового основания, а правомерные действия как раз такое основание создают. Это попытка выдать желаемое за действительное» [5, с. 198].

Проблема 4. Моральный вред – «запретная зона». Статьи 151 и 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации исключают компенсацию морального вреда при правомерных действиях. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 5-КГ24-45-К2 гласит: «Поскольку действия сотрудников полиции признаны правомерными, компенсация морального вреда не допускается». Но, как учил античный философ Эпиктет, «не столько удары, сколько мнение об ударах причиняют страдание». Человеку, которому законно сломали руку, больно не меньше, чем от незаконных действий.

В свою очередь, в Германии § 839 Германского гражданского уложения вместе с § 34 «Закона об ответственности государства» прямо предусматривает компенсацию за правомерные действия властей, если они выходят за пределы «*sozialrechtliche Zumutbarkeit*» (социально-правовой терпимости) [7, с. 56].

Во Франции Государственный совет выработал доктрину «риска публичной службы» (*risque administratif*): государство отвечает за нормальную, но опасную деятельность – подобно тому, как предприниматель отвечает за работу станка.

В США действует доктрина «*inverse condemnation*» (обратное отчуждение): если полиция уничтожает имущество при правомерных действиях, это рассматривается как «публичное взятие», требующее компенсации по Пятой поправке к Конституции США.

Российское право, увы, стоит в стороне. Н. М. Карамзин писал: «Законы должны иметь для всех одинаковую силу – но у нас сила сильнее за-

кона». У нас сила правомерного действия перевешивает право на компенсацию.

Нами предлагается новая редакция статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации: «Вред, причиненный правомерными действиями сотрудников полиции, подлежит возмещению из казны РФ, если такой вред является экстраординарным: влечет смерть, тяжкий вред здоровью, уничтожение единственного жилья или средств к существованию». И. Бентам называл законодателя «архитектором счастья». Пока же он – архитектор безразличия.

Также имеет смысл создать при МВД России Компенсационную комиссию – по образцу Фонда пенсионного и социального страхования. Срок рассмотрения заявления – 30 дней, выплаты – из специального фонда. «Деньги не пахнут» (*pecunia non olet*), но отсутствие механизма их выплаты пахнет бюрократической жестокостью.

Верховному Суду Российской Федерации следовало бы четко указать: статья 18 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» – норма прямого действия. Р. Иеринг утверждал: «Право есть защищенный интерес». Если интерес гражданина не защищен – нет и самого права.

По аналогии с морским правом (статья 284 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации «Понятие общей аварии и принципы ее распределения») можно распределять убытки между всеми налогоплательщиками. «Один за всех, и все за одного» – принцип солидарной ответственности общества за тот самый порядок, который оно требует от полиции.

Латинское изречение *Fiat justitia, pereat mundus* («Да свершится правосудие, хотя бы погиб мир») – в нашей ситуации выворачивается наизнанку: мир (порядок) сохраняется, а правосудие гибнет для конкретного человека.

Пока цена порядка ложится на плечи случайных жертв, правовое государство остается не более чем декларацией. А. Солженицын призывал «жить не по лжи». Это значит признать: правомерный вред – это тоже вред, и платить за него должно государство, а не гражданин. Иного не дано.

Библиографический список

1. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 5 апреля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
2. Белов В. А. Гражданское право. Общая часть : учебник. М. : Юрайт, 2023. С. 115.
3. Андреев Ю. Н. Публичные риски и деликтная ответственность государства // Журнал российского права. 2022. № 4. С. 78.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2004 г. № 12-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 5.

5. Малеин Н. С. Правонарушение : понятие, причины, ответственность. М. : Юридическая литература, 2019. С. 198.

6. О рассмотрении дел о возмещении вреда от действий правоохранительных органов : отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2022–2024 гг. М., 2025. С. 12.

7. Staudinger, J. von. Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen. Berlin : Sellier, 2022. S. 56.

© Киселева К. А., 2026

УДК 347.51:351.74.08(470)

Улимаев Р. Ю., профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРАВОМЕРНОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. В статье исследуются элементы правовой природы причинения вреда сотрудниками полиции при исполнении служебных обязанностей. Автор разграничивает деликтную ответственность и правомерное поведение, анализирует признаки правомерности причинения вреда (законность цели, основания, процедура, соразмерность). На основе проведенного анализа формулируются критерии отграничения правомерного вреда от гражданского правонарушения.

Ключевые слова: гражданское право, правомерное причинение вреда, сотрудник полиции, необходимая оборона, крайняя необходимость, ответственность за вред, право на применение силы.

Вопрос о компенсации вреда, причиненного правомерными действиями сотрудников полиции, является дискуссионным и базируется на стыке публичного и частного права.

Понятие правомерности действий сотрудников полиции в гражданском праве производно от общего принципа, закрепленного в п. 1 ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], согласно которому вред, причиненный личности или имуществу гражданина, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Важ-

нейшим исключением из общего правила является положение п. 3 ст. 1064 ГК РФ: «Вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом».

Правомерность действий сотрудника полиции в гражданско-правовом смысле означает, что такие действия, совершаемые в рамках исполнения служебных обязанностей, не признаются противоправными и, следовательно, не влекут ответственности государства по правилам ст. 1069 ГК РФ, за исключением случаев, когда закон прямо устанавливает обязанность возместить вред, причиненный правомерными действиями. Иными словами, правомерность представляет собой полную противоположность противоправности, наличие которой в совокупности с вредом, виной и причинно-следственной связью образует полный состав гражданского правонарушения.

Вопрос о правомерности или противоправности действий сотрудника органов внутренних дел разрешается непосредственно в органе внутренних дел, где проходит службу соответствующий сотрудник в рамках проводимой в отношении него служебной проверки. Следует отметить, что правомерность его действий оценивается не только в части соблюдения сотрудником ФЗ «О полиции», а в части соблюдения всего действующего законодательства, которое должен соблюдать сотрудник при выполнении своих должностных обязанностей [7].

Особенность гражданско-правового подхода к действиям полиции состоит в том, что правомерность отделяется от вины: даже при отсутствии вины конкретного сотрудника действие может быть признано неправомерным, если нарушены объективные критерии (например, отсутствие нормативного основания). Напротив, действие может быть правомерным, даже если оно повлекло причинение вреда – при условии, что вред причинен в состоянии крайней необходимости (ч. 1 ст. 1067 ГК РФ) либо в иных, прямо предусмотренных законом случаях.

Постепенное развитие института ответственности публичной власти привело к пониманию того, что принцип «нет ответственности за правомерные действия» не всегда является справедливым и соответствует современным представлениям о роли государства в гражданском обществе.

В связи с этим в российское гражданское законодательство была включена ст. 16.1 ГК РФ, предусматривающая, что в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации. При этом указанная норма носит отсылочный характер, поскольку она устанавливает только саму возможность компенсации ущерба от правомерных действий, однако конкретные случаи и порядок такой компенса-

ции должны определяться в специальных законах. Однако анализ действующего законодательства показывает, что специальные законы, предусматривающие компенсацию ущерба от правомерных действий государственных органов, немногочисленны. Например, к их числу можно отнести законодательство о порядке изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд, законодательство о противодействии терроризму и некоторые другие акты.

Применительно к деятельности полиции необходимо отметить, что ч. 3 ст. 33 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [1] (далее – ФЗ «О полиции») устанавливает: «Вред, причиненный гражданам и организациям противоправными действиями (бездействием) сотрудника полиции, подлежит возмещению в порядке, установленном законодательством Российской Федерации».

Однако ГК РФ не содержит четкого правила о компенсации вреда, причиненного правомерными действиями публичной власти. Единственное исключение – ст. 1067 (крайняя необходимость) – охватывает лишь экстренные ситуации, тогда как значительная часть законных процессуальных действий (обыск, задержание, проверка документов) не подпадает под признаки крайней необходимости. Это порождает коллизию: императивное предписание ГК РФ не обеспечено гражданско-правовым механизмом.

Сотрудник полиции при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия действует с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие, характера и силы оказываемого ими сопротивления. При этом сотрудник полиции обязан стремиться к минимизации любого ущерба.

Общепринято, что к правомерным действиям относятся основанные на нормах права юридически значимые акты поведения людей, не нарушающих правовых запретов. Однако для сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) это определение требует корректировки, поскольку их правомерности придается правовой статус не только пассивным соблюдением запретов, но и активной реализацией властных полномочий. Так, истец обратилась с иском в суд к МВД России и Министерству финансов Российской Федерации, просила взыскать моральный вред за причиненные нравственные страдания в связи с неправомерными действиями сотрудников полиции. Суд, дав оценку всем имеющимся в деле доказательствам, пришел к выводу о том, что действия сотрудников полиции, выразившиеся в доставлении истца в отдел полиции, совершены в рамках предоставленных им полномочий; при наличии к тому оснований; соответствовали требованиям законодательства, прав и законных интересов истца не нарушили. Судом установлено, что истец отказалась выполнять законные требования сотрудников полиции о предоставлении документов, удостоверяю-

ших личность для проверки, а также пыталась воспрепятствовать доставлению в отдел полиции для дальнейшего разбирательства, пыталась скрыться с места событий и отказалась добровольно проследовать в отдел полиции для выяснения личности. Решение Заельцовского районного суда г. Новосибирска судебной коллегией по гражданским делам Новосибирского областного суда оставлено без изменения, апелляционная жалоба ответчика – без удовлетворения [2].

ФЗ «О полиции» (ст. 12–14) закрепляет обязанности сотрудников полиции: пресекать преступления, оказывать помощь, применять меры принуждения и т. д. Статьи 18–23 устанавливают условия правомерности применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Правомерность действий сотрудника ОВД – это ключевая категория, определяющая, возникнут ли у государства обязательства по возмещению причиненного вреда. В отличие от неправомерных действий, которые влекут безусловную ответственность по ст. 1069 ГК РФ, правомерные действия по общему правилу такой ответственности не порождают (п. 3 ст. 1064 ГК РФ). При этом исключения из данного правила и компенсаторные механизмы предусмотрены специальными нормами (например, ст. 16.1 ГК РФ).

Таким образом, правомерное причинение вреда не является гражданским правонарушением (деликтом), поскольку в его составе отсутствует такой ключевой элемент как противоправность (ст. 1064 ГК РФ). Другие общие обстоятельства, исключающие противоправность деяния (необходимая оборона – ст. 1066 ГК РФ, крайняя необходимость – ст. 1067 ГК РФ), в деятельности полиции приобретают особый характер, обусловленный публично-властными полномочиями. Кроме того, ФЗ «О полиции» устанавливает специальные основания применения мер принуждения, которые могут быть квалифицированы как самостоятельные (не сводимые только к институтам гл. 59 ГК РФ) юридические конструкции, исключающие противоправность вреда.

На основе анализа доктринальных источников, норм ГК РФ, ФЗ «О полиции», Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] можно выделить следующие признаки правомерного причинения вреда сотрудниками полиции.

1. Соответствие закону и иным правовым актам (законность). Действие должно не только формально соответствовать предписаниям закона, но и не нарушать общих принципов права, поскольку это является важным условием, не позволяющим квалифицировать вред как следствие правонарушения.

2. Презумпция правомерности как условие компенсаторных правоотношений. Так, в случае наличия у сотрудника особых полномочий на

причинение вреда (например, при пресечении преступления) действует презумпция правомерности его действий. В контексте ст. 16.1 ГК РФ эта презумпция означает, что ущерб, причиненный такими действиями, подлежит компенсации не как мера ответственности за правонарушение, а как специальная гарантия восстановления прав потерпевшего. Важно, что данная презумпция не безгранична и не может распространяться на все действия, а требует исследования наличия вышеуказанных условий. В литературе разработана теория «компенсаторных обязательств». Согласно этому подходу, обязательства по возмещению вреда от правомерных действий не являются деликтными (т. е. не основаны на вине и противоправности).

По справедливому мнению Т. В. Дерюгиной, обязательства из причинения вреда – это более широкое понятие, включающее группу обязательств, традиционно именуемых деликтами, и группу обязательств из правомерных действий, порождающих причинение вреда, представляющих собой самостоятельный вид обязательств, основанный не на ответственности, а на необходимости восстановления нарушенных прав [4, с. 2–5].

Субсидиарным признаком можно выделить неизбежность вреда. Это обусловлено тем, что вред не мог быть предотвращен при осуществлении законной деятельности. Если вред был неизбежен (например, повреждение замка при вскрытии двери для спасения человека), то действие квалифицируется как правомерное, но требующее компенсации. Если же вред мог быть предотвращен выбором менее вредоносного способа, но полицейский этого не сделал, действие может быть признано неправомерным (ст. 1069 ГК РФ).

Концепция «правомерного вреда», разработанная профессором В. И. Михайловым, рассматривает «правомерный вред» как особую методологическую основу. Она обосновывает допустимость причинения вреда в строго определенных законом случаях для достижения общественно полезных целей (например, при пресечении преступления). В этом контексте вред рассматривается не как правонарушение (деликт), а как вынужденная мера, что имеет прямое отношение к действиям полиции [5, с. 99].

Разграничение «незаконных» (неправомерных) и «правомерных» действий является принципиальным моментом для наступления гражданско-правовых последствий.

Выделение признаков правомерности причинения вреда позволяет решить главную задачу гражданского права в данной сфере: отграничить ситуации, когда государство несет ответственность за вред, от ситуаций, когда оно обязано предоставить компенсацию за ущерб, правомерно причиненный в публичных интересах. В отличие от деликта, правомерное причинение вреда не влечет ответственности государства, но может порождать обязательство по компенсации вреда как особую гарантию восста-

новления прав потерпевшего в публичных интересах (компенсаторные, а не деликтные обязательства).

3. Наличие правового основания и совершение действия в пределах компетенции. Правомерное действие совершается в рамках властных полномочий, предоставленных сотруднику законом (например, ФЗ «О полиции», т. е. если сотрудник действовал в пределах своей компетенции, его действия рассматриваются как действия самого государства (ст. 1069 ГК РФ). Наличие специального полномочия, например, на вскрытие помещения, повреждение имущества и т. п., создает ту самую «презумпцию правомерности», которая является условием для возможного применения компенсаторных механизмов, а не мер ответственности.

4. Соблюдение пределов и соразмерности причиняемого вреда. Действие должно быть соразмерно той цели, ради которой оно совершается. Сотрудник ОВД должен стремиться к минимизации вреда. В гражданском праве этот признак важен для разграничения ситуаций: если вред формально причинен при исполнении, но его размер явно не соответствовал обстановке (эксцесс исполнителя), действие перестает быть правомерным и может повлечь полную имущественную ответственность по общим основаниям. Пределы правомерности часто связывают с институтами крайней необходимости (ст. 1067 ГК РФ) и необходимой обороны.

5. Обоснованность и мотивированность действий. Действия сотрудника полиции должны быть обоснованными и понятными. Требование мотивированности, закрепленное в законе, означает, что при ограничении прав граждан сотрудник должен четко осознавать и понимать причинно-следственную связь между обстановкой и своими действиями. Этот признак имеет процессуальное значение, так как в случае спора именно государству придется доказывать обоснованность причинения вреда.

Таким образом, правомерное причинение вреда сотрудниками полиции – это причинение вреда охраняемым законом благам при осуществлении служебной деятельности, которое соответствует следующим признакам: 1) действие формально не нарушает конкретных правовых норм и общих принципов права (законность); 2) совершается в рамках властных полномочий, предоставленных сотруднику законом (наличие правового основания и действие в пределах компетенции); 3) соблюдены пределы допустимого вреда и соразмерность цели его причинения (отсутствие эксцесса); 4) действие обоснованно и мотивированно, прослеживается причинно-следственная связь между обстановкой и действиями сотрудника; 5) действует презумпция правомерности таких действий, которая может быть опровергнута при наличии иных обстоятельств.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24 июня 2025, с изм. от 16 декабря

2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

2. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 15 декабря 2025 г.) // Российская газета. № 25. 2011. 8 февраля.

3. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.01.2026).

4. Суд признал законными действия сотрудников правоохранительных органов, а потому отказал истцу в возмещении морального вреда. URL: https://zaelcovsky--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=73 (дата обращения: 10.04.2026).

5. Дерюгина Т. В. К вопросу о видах обязательств вследствие причинения вреда // Гражданское право. 2025. № 1. С. 2–5.

6. Михайлов В. И. Правомерный вред – методологическая основа допустимости применения вредоносных мероприятий в оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов и специальных служб // Журнал российского права. 2018. № 7. С. 99.

7. Улимаев Р. Ю., Морин А. В., Абдуллина Л. Р. Участие органов внутренних дел в обязательственных правоотношениях : учебное пособие. Материал опубликован не был.

© Улимаев Р. Ю., 2026

УДК 343.51:351.74.08 (470)

Байбурина А. С., преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

РОЛЬ ПРЕВЕНТИВНЫХ МЕР В МИНИМИЗАЦИИ УЩЕРБА ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Аннотация. В статье автором исследуются теоретические и прикладные вопросы применения превентивных мер как ключевого фактора снижения ущерба при выполнении сотрудниками полиции оперативно-служебных задач. Особое внимание уделяется анализу причин служебных инцидентов и разработке предложений по оптимизации системы ведомственного контроля.

Проведенный анализ позволяет выявить и систематизировать превентивные меры, снижающие риск причинения вреда при правомерных действиях сотрудников полиции. В рамках работы проводится анализ нормативно-правовой базы и классификация видов вреда, возникающего в результате правомерных действий. Особое внимание уделяется выявлению профилактических мер, на основе которых формулируются практические рекомендации по совершенствованию системы предупреждения подобных рисков. Научная новизна исследования заключается в отсутствии на текущий момент комплексного алгоритма систематизации инструментария предупреждения вреда, а также в необходимости выявления регуляторных пробелов и разработки механизмов их устранения.

Ключевые слова: компенсация вреда, применение оружия, сотрудники полиции, правомерный действия, деэскалация конфликтов, превентивные меры.

В последнее время наблюдается усиление общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов. Данная тенденция обусловлена развитием цифровых медиаплатформ, резонансными правонарушениями со стороны должностных лиц и институциональными реформами, нацеленными на прозрачность системы. В этих условиях общественное мнение трансформируется в ключевой индикатор эффективной полицейской деятельности.

В рамках правового регулирования правоохранительной деятельности основополагающим является принцип соразмерности: принимаемые меры должны строго соответствовать целям обеспечения безопасности. Для того, чтобы минимизировать сопутствующий вред и сохранить эффективность работы, к правовому статусу сотрудника полиции предъявляются особые требования. Баланс между государственным принуждением и защитой прав граждан достигается за счет сочетания трех факторов: четких законодательных границ полномочий, качественной специальной подготовки и прозрачной системы юридической ответственности. Несмотря на формальную правомерность действий сотрудников правоохранительных органов (например, при применении физической силы в конфликтных ситуациях), возникновение резонансных негативных последствий сформировало устойчивый общественный запрос. Данный запрос выражается в необходимости ужесточения контроля над деятельностью полиции, повышении уровня профессиональной подготовки личного состава и внедрении детализированных протоколов поведения.

Система теоретико-правовых основ деятельности сотрудников полиции базируется на совокупности нормативных актов, общеправовых принципов и институтов. Данный комплекс определяет правовое поле функционирования органов внутренних дел, устанавливает пределы реализации властных полномочий и формирует критерии верификации их правомер-

ности. Базисным актом в этой области выступает Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») [1], который во взаимосвязи с нормами уголовного законодательства и иными подзаконными актами образует единый правовой фундамент служебной деятельности.

Под правомерным действием следует понимать волевой акт юридически значимого поведения, который реализуется в строгом соответствии с диспозициями правовых норм, не нарушает установленных запретов и не противоречит объективным принципам права. Оно направлено на удовлетворение законных интересов личности, общества и государства, а также на обеспечение правопорядка. Правомерное действие порождает правовые последствия, которые способствуют достижению социально полезных целей.

Для признания действий сотрудника полиции правомерными необходимо соблюдение следующих условий:

- действия совершены в рамках полномочий, предусмотренных законом;
- применены только в тех случаях, которые прямо перечислены в законе;
- перед применением физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия сотрудник обязан предупредить о своем намерении и предоставить возможность выполнить законные требования, если промедление не создает непосредственной угрозы жизни и здоровью;
- действия соответствуют обстановке: учитываются характер и степень опасности действий лиц, характер и сила оказываемого сопротивления;
- сотрудник стремился к минимизации ущерба;
- в случае причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, действия должны быть направлены на доставление этого лица в органы власти и пресечение возможности совершения им новых преступлений; при этом вред причинен только в тех случаях, когда иными средствами задержать лицо было невозможно.

Если действия сотрудника полиции выходят за пределы установленных законом полномочий, это может повлечь уголовную ответственность за превышение должностных полномочий.

Отметим виды правомерных действий с риском причинения вреда:

- применение физической силы.
- применение специальных средств.
- применение огнестрельного оружия.

Систематизация вреда, причиняемого в ходе правомерной деятельности сотрудников полиции, осуществляется на основе детерминированных критериев: характера наступивших последствий, правовых оснований

реализации полномочий и механизмов воздействия. Легитимность данных действий обусловлена строгим соответствием положениям ФЗ «О полиции», а также положениям уголовного законодательства (в частности, ст. 37 и 38 Уголовного кодекса Российской Федерации) [2], регламентирующим обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Система нормативно-правового обеспечения предупреждения вреда в деятельности полиции строится на четкой регламентации полномочий, установлении обязательных правил и механизмов ответственности. Однако анализ правоприменительной практики позволяет выделить ряд системных проблем:

1) недостатки профессиональной подготовки: отсутствие у сотрудников устойчивых навыков деэскалации конфликтов и ошибки в тактике применения физической силы или спецсредств;

2) неэффективность мер упреждающего воздействия: превентивные механизмы часто не срабатывают, что приводит к необходимости применения силы в ситуациях, которые можно было разрешить мирным путем;

3) ошибки в оценке динамики ситуации: неспособность сотрудника вовремя адаптировать тактику действий к меняющейся обстановке (например, когда сопротивление уже прекращено);

4) несовершенство контроля: недостатки ведомственного надзора и процедур внутреннего расследования инцидентов, связанных с причинением вреда.

Реализация следующего комплекса организационно-управленческих мер, направленных на превенцию причинения вреда в процессе выполнения сотрудниками полиции оперативно-служебных задач, станут гарантом минимизации рисков причинения вреда и обеспечивающие ответственность за нарушения:

1) совершенствование профессиональных компетенций;

2) психологическая устойчивость и саморегуляция: данный аспект направлен на формирование у личного состава навыков стрессоустойчивости и способности к объективной оценке рисков. Это позволяет сотрудникам принимать юридически выверенные решения в условиях дефицита времени и высокого психоэмоционального напряжения;

3) анализ служебных инцидентов: предполагает системное изучение случаев причинения вреда для выявления системных ошибок и последующей разработки управленческих решений по их минимизации.

Практическая реализация указанных мер требует внедрения оперативных форм подготовки, среди которых ключевое место занимают инструктажи перед выходом на службу. Данный формат позволяет не только транслировать актуальный управленческий опыт, но и обеспечивать непосредственную готовность личного состава к выполнению конкретных задач. Инструктажи, проводимые перед заступлением на дежурство, высту-

пают связующим звеном между теоретической базой и реальной оперативной обстановкой.

Инструктаж обязательно должен включать следующие элементы:

- доведение оперативной обстановки на обслуживаемой территории;
- постановка задач каждому сотруднику или группе;
- напоминание о нормах применения силы и специальных средств (ст. 18–23 ФЗ «О полиции»);
- разбор типовых ситуаций и алгоритмов действий в них;
- проверка знаний сотрудниками своих прав и обязанностей;
- уточнение порядка взаимодействия с другими службами (Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, скорая помощь, Росгвардия);
- напоминание о правилах оказания первой помощи;
- контроль наличия и исправности экипировки, средств связи, специальных средств.

Вместе с тем, эффективность оперативных инструктажей должна подкрепляться фундаментальной подготовкой личного состава. В этой связи представляется необходимым внедрение программ регулярного обучения, сфокусированных на конфликтологии и техниках деэскалации. Систематическое повышение квалификации в данном контексте рассматривается не только как правовая обязанность, но и как обязательное условие обеспечения личной безопасности сотрудников и минимизации рисков причинения неправомерного вреда.

Программы обучения должны включать курсы по конфликтологии—изучение природы конфликтов, их типологии, стадий развития и способов разрешения. Сотрудники учатся распознавать признаки эскалации конфликта и применять техники его нейтрализации. Важны практические навыки снижения напряженности (тренинг деэскалации), вербальные техники (активное слушание, эмпатическое реагирование), невербальные приемы (контроль дистанции, позы, жестов, тона голоса), стратегии переговоров в кризисных ситуациях.

Предлагается в рамках проведения боевой служебной подготовки включить темы поактуализации знаний о нормах применения силы, специальных средств и оружия (ст. 18–23 ФЗ «О полиции»), правах граждан, процедурах документирования действий.

Обучение по данным курсам должно проводиться с периодичностью не реже одного раза в год, а также при изменении законодательства или появлении новых методик.

Таким образом, образовательные меры выступают базисом превентивной системы минимизации вреда в деятельности правоохранительных органов. Они обеспечивают комплексное формирование профессиональ-

ных компетенций, психологической устойчивости и навыков безопасного поведения личного состава.

Успешное функционирование данной системы опирается на стратегическое планирование, регулярные инструктажи и четкую координацию действий при групповом выполнении служебных задач. Системная реализация указанных мер способствует не только росту профессионализма сотрудников и снижению рисков неправомерного применения силы, но и формированию ведомственной культуры деэскалации. В конечном итоге это гарантирует неукоснительное соблюдение прав граждан и снижение риска причинения вреда при правомерных действиях сотрудников полиции.

Библиографический список

1. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 8 марта 2026 г.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 20.02.2026). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Байбурина А. С., 2026

УДК 347.51:351.753.3 (470)

Белявская Р. Р., преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ПРОБЛЕМЫ КОМПЕНСАЦИИ ВРЕДА ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ ГРАЖДАН, ПОСТРАДАВШИХ ПРИ ПРАВОМЕРНОМ ПРИМЕНЕНИИ ОРУЖИЯ ПОЛИЦИЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются правовые коллизии и практические сложности, возникающие при реализации права граждан на компенсацию вреда, причиненного жизни или здоровью в результате правомерного применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции. Автор анализирует противоречия между нормами Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и гражданским законодательством в части ответственности за вред, причиненный правомерными действиями. Особое внимание уделяется специфике доказывания оснований для выплат, определению круга ответственных лиц и поиску баланса между защитой частных интересов пострадавших и общественной значимостью

полицейской деятельности. Предлагаются пути совершенствования законодательства для обеспечения гарантированного возмещения ущерба лицам, не совершавшим противоправных действий.

Ключевые слова: компенсация вреда, деликт, применение оружия, сотрудники полиции, правомерный вред, возмещение ущерба, гражданская ответственность, страхование, защита прав граждан.

В российском праве это одна из самых дискуссионных областей, поскольку здесь сталкиваются интересы государства (в лице сотрудников органов внутренних дел) и конституционные права граждан на жизнь и охрану здоровья. В последние годы наблюдается тенденция к расширению полномочий сотрудников правоохранительных органов в части применения огнестрельного оружия. Однако законодательное расширение прав полиции не сопровождается адекватным развитием механизмов гражданско-правовой ответственности государства перед пострадавшими гражданами.

Основная коллизия заключается в том, что применение оружия признается правомерным (согласно ст. 23 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции»)) [3], что часто исключает вину сотрудника. В то же время, согласно ст. 1064 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], вред подлежит возмещению, но на практике суды часто отказывают в компенсации, ссылаясь на отсутствие противоправности действий должностного лица. Неопределенность судебной практики создает правовой вакуум: гражданин, пострадавший случайно (например, рикошетом при задержании преступника), остается без социальной и финансовой поддержки.

Данная работа направлена на поиск баланса между интересами общественной безопасности и конституционными гарантиями защиты прав личности.

Автор считает, что проблема компенсации заключается в определении юридического основания ответственности. Согласно ГК РФ гражданско-правовая ответственность (деликт) строится на принципе вины и противоправности. В случае с полицией ситуация иная: сотрудник действует строго по закону, защищая общество, но в процессе наносит ущерб конкретному человеку.

Деликт, в контексте ст. 1069 ГК РФ предполагает нарушение сотрудником полиции норм позитивного права: превышение пределов необходимой обороны, нарушение тактических регламентов применения оружия или применение спецсредств при отсутствии законных оснований (ст. 23 ФЗ «О полиции»). В данном случае вред является результатом правонарушения.

Правомерное причинение вреда базируется на реализации сотрудником полиции предоставленных ему государственно-властных полномочий. Здесь вред выступает не как следствие ошибки, а как неизбежный побоч-

ный эффект социально значимой деятельности (например, для остановки террориста или отражения группового нападения). Таким образом, ответственность за правомерный вред имеет компенсационную, а не штрафную природу. Она должна основываться на принципе «социальной солидарности», где государство выступает гарантом возмещения вреда, причиненного в ходе реализации его властных функций.

В контексте исследования механизмов компенсации вреда, причиненного правомерными действиями сотрудников полиции, принципиальное значение имеет анализ ст. 16.1 ГК РФ во взаимосвязи со специальными нормами ФЗ «О полиции». Согласно ГК РФ, компенсация вреда, причиненного личности или имуществу гражданина правомерными действиями государственных органов, осуществляется в случаях и в порядке, предусмотренных законом (ст. 16.1). Данная норма носит отсылочный характер, соответственно, ст. 33 ФЗ «О полиции» указывает, что вред, причиненный гражданам и организациям, подлежит возмещению в порядке, предусмотренном гражданским законодательством Российской Федерации. Это создает «замкнутый круг»: ГК РФ отсылает к специальному закону, а специальный закон – обратно к ГК РФ. Если правомерное применение оружия полицией осуществляется в интересах неопределенного круга лиц (общественная безопасность), то бремя случайного вреда, причиненного конкретному лицу, не должно ложиться исключительно на этого индивида.

Конституционно-правовая природа обязательств по компенсации вреда, причиненного правомерным применением огнестрельного оружия сотрудниками полиции, базируется на разрешении сущностного конфликта между частным интересом (физическая целостность, жизнь) и публичным интересом (общественная безопасность, пресечение преступности). Согласно ст. 2 Конституции РФ [2], признание, соблюдение и защита прав и свобод человека – обязанность государства, что в контексте применения мер государственного принуждения накладывает на законодателя обязанность по созданию эффективного компенсаторного механизма.

Баланс интересов государства и личности выстраивается на следующих положениях:

1) государство, наделяя полицию правом на применение источника повышенной опасности для защиты общества, принимает на себя риски сопутствующего ущерба. Отказ в компенсации только на основании «законности» выстрела нарушает принцип справедливости;

2) распределение бремени – недопустимо возлагать последствия реализации государственных задач исключительно на пострадавшего гражданина (или его родственников), если его действия не создавали прямой угрозы, ставшей причиной применения оружия;

3) защита публичного интереса не может осуществляться ценой полного игнорирования достоинства и физической неприкосновенности отдельной личности без последующей материальной компенсации.

Конституционно-правовой смысл компенсации заключается в обеспечении социальной гарантии, при которой государство минимизирует последствия вторжения в сферу конституционных прав граждан ради общего блага.

Установленный на конституционном уровне приоритет прав личности и необходимость соблюдения баланса с публичными интересами предопределяют не только само право гражданина на возмещение вреда, но и содержательные требования к качеству такой компенсации. Если в конституционный базис входит обязанность государства минимизировать последствия правомерного вторжения в сферу частных благ и интересов, то гражданское законодательство призвано трансформировать этот абстрактный принцип в конкретные материальные эквиваленты. В связи с этим ключевое значение приобретает анализ правоприменительных критериев, используемых при установлении объема денежных выплат, поскольку именно через определение размера компенсации морального вреда и расходов на лечение проверяется реализация конституционных гарантий.

В случаях, когда вред причинен правомерно (например, ранение случайного прохожего при задержании преступника), суды склонны необоснованно занижать размер компенсации морального вреда, мотивируя это отсутствием противоправности в действиях полиции. В отсутствие вины причинителя (согласно ст. 1064 и 1100 ГК РФ) механизмы оценки должны опираться не на карательную функцию гражданской ответственности, а на восстановительно-гарантийную природу государства. Однако для потерпевшего, глубина физических и нравственных страданий не зависит от юридического статуса выстрела. Научный подход требует внедрения презумпции максимальной компенсации при посягательстве на высшие блага (жизнь, здоровье), независимо от правомерности действий полиции.

Согласно сложившейся практике расходы на медицинскую реабилитацию подлежат возмещению лишь при условии, что потерпевший не имел права на их бесплатное получение в рамках программы обязательного медицинского страхования (ОМС). При применении полицией огнестрельного оружия часто необходима высокотехнологичная помощь или специфические средства реабилитации (протезирование, дорогостоящие препараты). Необходим принцип полного возмещения вреда, чтобы государство компенсировало фактически понесенные расходы, необходимые для максимально возможного восстановления здоровья, без формальной отсылки к «достаточности» бесплатной медицины.

При правомерном причинении вреда, повлекшем инвалидность, расчет компенсации должен базироваться не только на текущих затратах, но и на капитализации будущих потерь. Сложность заключается в определении периода выплаты и индексации сумм при выплате из бюджета. Научно обоснованным представляется создание специализированного компенсационного фонда или применение упрощенного порядка доказывания

убытков для лиц, пострадавших от законных действий силовых структур, по аналогии со страховыми выплатами. Создание специализированного фонда (по аналогии с фондами защиты прав потерпевших от преступлений в ряде зарубежных стран) позволит оперативно аккумулировать средства для выплат лицам, пострадавшим от правомерных действий сотрудников полиции при применении оружия. Это исключит зависимость выплат от дефицита текущего бюджета конкретного ведомства и позволит осуществлять авансовые платежи на экстренное лечение и реабилитацию пострадавших еще до вынесения судебного решения.

Альтернативным механизмом может стать обязательное страхование гражданской ответственности государства (или ведомства) за риск причинения вреда третьим лицам при осуществлении правоохранительной деятельности. Страховая модель игнорирует категорию «вины» сотрудника полиции, акцентируя внимание на факте наступления страхового случая (ранение, смерть, повреждение здоровья).

Создание специального финансового механизма позволит трансформировать ответственность государства из карательно-деликтной в социально-гарантийную, соответствующую принципам правового и социального государства.

Данный анализ конституционно-правовых основ и проблемы вины в деликтах, возникающих при правомерном применении оружия полицией, свидетельствует о дефиците правовых гарантий для пострадавших. Для восстановления баланса интересов личности и государства требуется концептуальный переход от модели «ответственности за виновное правонарушение» к модели «государственной компенсации за правомерный риск».

Правомерный характер действий полиции часто используется судами как основание для снижения сумм выплат, что девальвирует право на жизнь и телесную целостность. Требуется нормативная установка минимальных стандартов и порогов компенсации, исключая зависимость размера выплат от юридической квалификации действий причинителя. Совершенствование законодательства в данной сфере является не только вопросом юридической техники, но и важнейшим условием легитимации деятельности правоохранительных органов в глазах общества. Только через признание безусловной обязанности государства восстановить положение пострадавшего гражданина может быть реализован подлинный смысл правового государства.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 июля 2025). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 января 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2026).

3. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 8 марта 2026 г.). Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

© Белявская Р. Р., 2026

УДК 347.51:351.74.08(470)

Рябов С. А., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ПРАВОМЕРНОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ЗАКОННЫЕ ОСНОВАНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируется проблема правомерного причинения вреда сотрудниками органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей. Автор исследует правовые основания и условия ответственности должностных лиц, разграничивая обстоятельства, исключающие преступность деяния, и случаи, влекущие обязанность государства компенсировать ущерб.

На основе анализа законодательства делается вывод, что возмещение вреда наступает лишь в исключительных, прямо предусмотренных законом случаях. В качестве основных условий правомерности выделяются служебная необходимость и направленность действий на защиту более значимых общественных интересов.

Ключевые слова: органы внутренних дел, правомерное причинение вреда, возмещение вреда, вынужденное причинение вреда, условиям правомерности причинения вреда.

Служба в органах внутренних дел (далее – ОВД) неразрывно сопряжена с ситуациями, требующими применения принудительных мер. В процессе выполнения своих обязанностей по охране правопорядка и борьбе с правонарушениями сотрудники могут быть вынуждены причинять вред. Это объективная и неотъемлемая часть их профессиональной деятельности, направ-

ленная на защиту граждан и обеспечение общественной безопасности от криминальных угроз.

Вопрос о правовой природе и допустимости причинения вреда сотрудниками ОВД является предметом научных дискуссий в современной российской юриспруденции [3, 6, 7]. Для формирования единой правоприменительной позиции необходим анализ оснований, условий и границ ответственности сотрудников полиции. Такой анализ должен опираться на нормы различных отраслей законодательства и учитывать реалии практической деятельности правоохранительных органов.

Будучи институтом публичной власти, органы внутренних дел и их сотрудники наделены законодательно закрепленным правом вторгаться в сферу частных интересов граждан. Эта прерогатива является прямым следствием специфического характера их деятельности, направленной на защиту общества и государства. Следовательно, в рамках правоприменительной практики, строго регламентированной законом и применяемой, как правило, в исключительных обстоятельствах, существует вероятность наступления неблагоприятных последствий, выражающихся в причинении вреда.

Конституционно-правовая основа для подобных действий заложена в положениях Конституции Российской Федерации. В частности, часть 3 статьи 55 допускает ограничение прав и свобод человека и гражданина федеральным законом в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, а также обеспечения обороны страны и безопасности государства [4]. Таким образом, возможность правомерного причинения вреда охраняемым социальным благам при исполнении служебных обязанностей прямо вытекает из норм Конституции Российской Федерации.

Статья 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) устанавливает фундаментальный принцип гражданско-правовой ответственности: любое лицо, причинившее вред личности или имуществу (как физического, так и юридического лица), обязано компенсировать ущерб в полном объеме [2].

Важно отметить, что данная норма распространяется не только на случаи противоправного поведения. Гражданское законодательство предусматривает ответственность и за вред, возникший в результате действий, не нарушающих закон. Однако такая ответственность наступает исключительно при наличии условий, прямо предусмотренных федеральным законодательством.

В качестве одного из немногих примеров такой правовой конструкции выступает ст. 18 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [10], в которой закреплена важная гарантия: государство берет на себя обязательство компенсировать ущерб. Речь идет о вреде, который был нанесен физическим и юридическим лицам непосредственно в процессе пресечения террористического акта.

А также, пункт 37 части 1 статьи 13 федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [9] (далее – Закон о полиции) закрепляет право владельцев транспортных средств на возмещение вреда. Данная норма применяется в ситуациях, когда сотрудники полиции используют транспорт граждан в установленном законом порядке. Компенсация выплачивается по требованию владельца и рассчитывается исходя из суммы, понесенных им фактических расходов или размера причиненного материального ущерба.

При этом вред может быть причинен именно правомерными действиями сил правопорядка. Финансирование таких компенсационных выплат осуществляется за счет средств федерального бюджета.

Большая часть обстоятельств, при наступлении которых сотрудники полиции, реализуя свои властные полномочия, могут причинить вред охраняемым законом отношениям, перечислены в ст. 13 Закона о полиции. В данной статье закреплены права сотрудника ОВД, исполнение которых допускается законом, и их деятельность, соответственно, считается правомерной. Например, к ним можно отнести осуществление привода в полицию граждан и должностных лиц; применять меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях; производить следственные и иные процессуальные действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации; проводить оперативно-розыскные мероприятия; доставлять граждан, то есть осуществлять их принудительное препровождение в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции; предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений; обеспечение правопорядка в общественных местах и обеспечение безопасности дорожного движения.

Кроме того, полиции предоставлены полномочия по применению отдельных мер государственного принуждения и физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Реализация данных полномочий может привести к необходимости причинения вреда при совершении гражданами противоправных деяний и неисполнении ими добровольно законных требований сотрудника полиции.

Также часть 4 статьи 16 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [8] допускает вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам. Данная норма распространяется на сотрудников оперативных подразделений при выполнении ими служебных задач.

Правомерное причинение вреда допускается в целях защиты жизни, здоровья, конституционных прав и законных интересов граждан, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Аналогичным образом законодатель допускает причинение вреда во время задержания лица, совершившего преступление, при обязательном

соблюдении следующих ограничений: если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и не было допущено превышения необходимых для этого мер.

По справедливому замечанию В. И. Михайлова следователь обладает правом совершать вредоносные действия, вторгаясь без согласия владельца в его жилище и проводя там обыск, осматривая и изымая почтово-телеграфную корреспонденцию, а также ограничивая свободу (задерживая) лиц, подозреваемых в совершении преступления. Если следователь, при наличии к тому оснований, не предпримет все необходимые меры, в том числе и связанные с причинением вреда правоохраняемым интересам, такие как обыск, арест почтово-телеграфных отправок, задержание лица, совершившего преступление, в результате чего преступник скроется, доказательства будут утеряны и наступят иные негативные последствия, то тем самым он совершает правонарушение [3].

При проникновении в жилые и в иные помещения, на земельные участки, сотрудник полиции вправе при необходимости произвести взлом (разрушение) запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих проникновению в указанные помещения и на указанные земельные участки и территории (ч. 4 ст. 15 Закона о полиции). Но законом установлена обязанность для сотрудника использовать безопасные способы и средства, с уважением относиться к чести, достоинству, жизни и здоровью граждан, не допускать без необходимости причинения ущерба их имуществу.

Сотрудник полиции, применяя физическую силу, специальные средства или огнестрельное оружие обладает иммунитетом от юридической ответственности за причиненный вред. Этот иммунитет действует при условии, что применение силы соответствовало как законным основаниям, так и установленному порядку.

Таким образом, исполнение служебных обязанностей представляет собой обстоятельство, исключающее преступность деяния. Однако это не освобождает ОВД от потенциальной обязанности возместить ущерб.

В гражданском законодательстве закреплён принцип ответственности за правомерные действия власти. Так, статья 16.1 ГК РФ устанавливает, что в случаях, прямо предусмотренных законом, ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина (а также юридического лица) правомерными действиями государственных органов или их должностных лиц, подлежит компенсации [1].

Сотрудники относятся к должностным лицам ОВД, являющихся государственным органом. Следовательно, граждане имеют право взыскивать с ОВД причиненный им ущерб, даже в случае, если ОВД действовали правомерно.

Вместе с тем выход за пределы правомерного причинения вреда неизбежно порождает правовые последствия для сотрудника. Основанием для на-

ступления ответственности выступает ст. 18 Закона «О полиции», которая закрепляет возможность привлечения должностного лица к ответственности в случае превышения полномочий. Под превышением в данном контексте понимается несоблюдение сотрудником установленных законом норм и процедур, регламентирующих порядок его действий. Такое нарушение влечет за собой применение к сотруднику мер юридической ответственности, включая дисциплинарную, административную или уголовную.

Таким образом, законодательство предусматривает обязанность государства компенсировать вред лишь в исключительных случаях. К ним относятся ситуации, прямо описанные в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и Законе «О полиции». Во всех остальных случаях, когда сотрудники полиции действовали в рамках закона и своих полномочий, норма, обязывающая ОВД возмещать ущерб, отсутствует.

Сложно не согласиться с мнением А. В. Савинова, относящего к условиям правомерности причинения вреда при выполнении служебных или профессиональных функций следующие обстоятельства:

- 1) действия (бездействие) лица, причинившие вред, должны быть обусловлены служебной или профессиональной необходимостью;
- 2) невозможность иными, без причинения вреда правоохраняемым интересам, средствами выполнить профессиональные или служебные функции;
- 3) наличие особой обстановки, в которой причиняется вред;
- 4) действия, причинившие вред, должны быть направлены на достижение социально полезной цели [11].

Следовательно, правомерное причинение вреда сотрудниками ОВД – это комплекс действий, совершаемых в соответствии с законодательством, обязанный отвечать определенным требованиям. Эти действия должны быть направлены на достижение законных целей, несмотря на то, что влекут за собой определенные негативные последствия для объекта воздействия. Это всегда вынужденная мера, применяемая в исключительных случаях и направленная для защиты более значимых общественных интересов.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 : федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2 : федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с изменениями и дополнениями на 6 апреля 2020). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Каплунов А. И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ) : автореф. дис. ...

д-ра юрид. наук. М. : Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2015.

4. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Михайлов В. Выполнение профессиональных функций как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2002. № 2. С. 53.

6. Никуленко А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2021.

7. Никуленко А. В., Смирнов М. А. Актуальные вопросы определения условий правомерности причинения вреда при пресечении сотрудниками правоохранительных органов преступлений и административных правонарушений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия : История и право. 2024. Т. 14. № 4. С. 99–114.

8. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 8 марта 2026 г.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О противодействии терроризму : федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Савинов А. В. Причинение вреда при исполнении служебных или профессиональных функций. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 159.9:34.08

Халитов О. Ф., старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ПОСТФАКТУМ-ПЕРЕОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН «ЗНАНИЯ ЗАДНИМ ЧИСЛОМ» В ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ

Аннотация. В статье рассматривается влияние когнитивного феномена «знания задним числом» (*hindsight bias*) на правовую оценку действий сотрудников полиции при причинении вреда в процессе выполнения служебных обязанностей. Анализируются психологические механизмы ретроспективного искажения, возникающего при оценке решений, принятых в условиях неопределенности, дефицита времени и высокого уровня риска. Обосновывается, что последующая правовая оценка действий сотрудника нередко осуществляется с учетом уже известного результата, что способно приводить к смещению оценки от условий принятия решения к его последствиям. Рассматривается влияние ретроспективного искажения на правоприменительную практику, а также на уровень правовой защищенности сотрудников полиции. Делается вывод о необходимости использования подхода *ex ante* при оценке действий сотрудников, предполагающего учет информации, доступной в момент принятия решения, и объективных условий служебной ситуации.

Ключевые слова: когнитивные искажения, *hindsight bias*, знание задним числом, правоприменение, профессиональный риск, виктимологическая безопасность.

Вопрос о правомерности причинения вреда сотрудниками полиции традиционно рассматривается в рамках юридического анализа соответствия их действий установленным нормам. Правомерность применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия регламентируется положениями Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ст. 18–24), в соответствии с которыми оценка действий сотрудника должна осуществляться с учетом конкретной обстановки, характера угрозы и служебной ситуации [1].

Вместе с тем правовая оценка подобных действий не является исключительно нормативной процедурой. Современные исследования в области психологии принятия решений позволяют утверждать, что она неизбежно включает в себя когнитивные механизмы, способные существенно влиять на итоговые выводы. Одним из таких механизмов выступает фено-

мен «знания задним числом» (hindsight bias), оказывающий значимое влияние на ретроспективную интерпретацию событий.

Феномен «знания задним числом» был впервые системно описан в работах Б. Фишхоффа [2; 3]. Его сущность заключается в том, что после получения информации об исходе события субъекты склонны воспринимать его как более предсказуемый, чем он был в действительности. Формируется эффект «я знал это заранее», сопровождающийся переоценкой собственных прогностических возможностей и искажением исходных представлений о ситуации.

Дальнейшее развитие исследований данного феномена связано с работами Д. Канемана и А. Тверски, показавших, что человеческое мышление систематически отклоняется от рациональных моделей вследствие использования эвристик (эвристики – это совокупность приемов и методов, облегчающих и упрощающих решение задач) [4]. В последующих исследованиях подтверждено, что феномен «знания задним числом» (hindsight bias), является устойчивым когнитивным искажением, проявляющимся в различных сферах, включая правоприменение [5].

С психологической точки зрения данный эффект обусловлен механизмами реконструкции памяти и обновления знаний. После получения информации о результате человек не воспроизводит прошлое в неизменном виде, а перестраивает его, интегрируя новую информацию в прежние когнитивные структуры. Как показано в работах У. Хоффраге, Р. Хертвига и Г. Гигеренцера, именно процесс обновления знаний лежит в основе искажения воспоминаний о первоначальных оценках [6].

В контексте правоприменительной деятельности данный феномен приобретает особую значимость. Деятельность сотрудника полиции осуществляется в условиях неопределенности, дефицита времени, неполноты информации и высокого уровня стресса. Решения принимаются в режиме ограниченной рациональности, когда невозможно учесть все факторы и просчитать последствия.

Вместе с тем правовая оценка действий сотрудника осуществляется уже после наступления последствий. Это формирует принципиальное противоречие: решение принимается в условиях неопределенности, тогда как его оценка производится в условиях полной определенности. В результате происходит смещение от оценки *ex ante* (от лат. «до события») к оценке *ex post* (от лат. «после события»), что делает правовую оценку уязвимой к когнитивным искажениям.

Влияние ретроспективного искажения усиливается институциональными особенностями правоприменения. Постфактум-анализ ориентирован на уже наступившие последствия, что смещает внимание с условий принятия решения на его результат. В этой связи правомерность действий нередко определяется с учетом тяжести последствий, общественного резо-

нанса и субъективных представлений правоприменителя о возможных альтернативах поведения.

Смежным феноменом выступает «ошибка оценки через результат» («outcome bias», «эффект искажение в пользу результата», «эффект ошибка исхода»), заключающаяся в тенденции оценивать качество решения по его последствиям, а не по условиям его принятия. Как показывают исследования, знание исхода повышает вероятность признания действий лица ошибочными или небрежными [7]. Это приводит к подмене анализа допустимого риска оценкой фактического результата.

В российской научной традиции аналогичные положения разрабатывались в рамках теории установки Д. Н. Узнадзе. В соответствии с данной теорией поведение определяется системой актуализированных установок, обеспечивающих готовность к определенному типу реагирования [8]. В условиях служебной деятельности данные установки приобретают профессиональный характер.

А. Г. Асмолов, развивая идеи Д. Н. Узнадзе, указывает на уровневую организацию регуляции деятельности, в рамках которой в экстремальных условиях доминирует операциональный уровень, обеспечивающий быстрые и автоматизированные реакции [9]. Это означает, что требование к сотруднику действовать в логике полного рационального анализа не соответствует психологическим закономерностям функционирования деятельности в условиях риска.

Существенное значение для правовой оценки имеет вопрос о критериях допустимого вреда. В правоприменительной практике отмечается тенденция оценивать действия сотрудника через призму минимизации вреда, тогда как более корректным является критерий его достаточности применительно к конкретной обстановке [10]. Ретроспективная логика оценки способствует формированию завышенных требований, поскольку после завершения события всегда возможно предположить менее рискованный вариант действий.

Исследования, посвященные необходимой обороне в деятельности сотрудников полиции, указывают на необходимость учитывать реальные условия принятия решения: внезапность ситуации, интенсивность угрозы, дефицит времени на выбор средств реагирования [11]. В этом контексте обращает на себя внимание сходство с психологическим феноменом «знания задним числом» (hindsight bias), поскольку оценка действий нередко осуществляется уже после того, как исход стал известен. Это создает риск их ретроспективной переоценки.

Отдельного рассмотрения требует вопрос правовой защищенности сотрудника полиции. В работах А. Д. Сафронова подчеркивается, что сотрудник выступает не только субъектом применения силы, но и носителем профессиональных рисков, в том числе связанных с последующей правовой оценкой его действий [12]. В таких условиях ретроспективное искаже-

ние может рассматриваться как один из факторов профессиональной виктимизации.

Ситуация осложняется тем, что ключевые категории уголовного права – «соразмерность», «необходимость», «достаточность» – носят оценочный характер. Их конкретное содержание определяется уже в процессе правоприменения, что неизбежно усиливает роль субъективного усмотрения [10; 13]. В результате сотрудник, действующий в условиях реальной угрозы, оказывается в положении, когда последующая оценка его действий может не совпадать с логикой их принятия.

Как показывают исследования, сама возможность негативной правовой оценки влияет на поведение сотрудников: в ряде случаев это выражается в излишней осторожности и откладывании применения силы даже при наличии оснований [14; 15]. Тем самым ретроспективная логика оценки начинает воздействовать не только на интерпретацию уже совершенных действий, но и на принятие решений в последующих ситуациях.

Следует учитывать и то, что подобные когнитивные искажения, как правило, не осознаются субъектом оценки. Напротив, сформированные выводы воспринимаются как очевидные и логически непротиворечивые, что затрудняет их критическое переосмысление.

С учетом изложенного представляется обоснованным смещение акцента в правоприменительной практике на анализ условий, в которых действовал сотрудник. Это предполагает обращение к логике *ex ante* (от лат. «до события»), реконструкцию ситуации принятия решения и учет объективных ограничений, в которых осуществлялась деятельность.

Таким образом, феномен «знания задним числом» выступает значимым фактором, влияющим на правовую оценку действий сотрудников полиции. Проблема заключается не только в наличии когнитивных искажений, но и в том, что сама ретроспективная логика правоприменения способствует их воспроизводству.

Игнорирование данного феномена снижает обоснованность правовой оценки и уровень правовой защищенности сотрудников. Учет психологических закономерностей принятия решений в условиях неопределенности позволяет приблизить правоприменение к реальным условиям служебной деятельности и обеспечить баланс между требованиями законности и особенностями человеческого мышления.

Библиографический список

1. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 8 марта 2026 г.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Fischhoff B., Beyth R. "I knew it would happen": Remembered probabilities of once-future things // *Organizational Behavior and Human Performance*. 1975. Vol. 13. P. 1–16.

3. Fischhoff B. Hindsight is not equal to foresight : The effect of outcome knowledge on judgment under uncertainty // *Journal of Experimental Psychology : Human Perception and Performance*. 1975. Vol. 1, no. 3. P. 288–299.
4. Tversky A., Kahneman D. Judgment under Uncertainty : Heuristics and Biases // *Science*. 1974. Vol. 185. P. 1124–1131.
5. Roese N. J., Vohs K. D. Hindsight Bias // *Perspectives on Psychological Science*. 2012. Vol. 7, no. 5. P. 411–426.
6. Hoffrage U., Hertwig R., Gigerenzer G. Hindsight Bias : A By-Product of Knowledge Updating? // *Journal of Experimental Psychology : Learning, Memory, and Cognition*. 2000. Vol. 26, no. 3. P. 566–581.
7. Oeberst A., Goeckenjan I. When Being Wise After the Event Results in Injustice : Evidence for Hindsight Bias in Judges' Negligence Assessments // *Psychology, Public Policy, and Law*. 2016. Vol. 22, no. 3. P. 271–279.
8. Узнадзе Д. Н. Психология установки. СПб., 2001. 414 с.
9. Асмолов А. Г. Деятельность и установка. М., 1979. 151 с.
10. Никуленко А. В., Смирнов М. А. Проблемы правовой оценки причинения вреда сотрудниками полиции, Росгвардии, военнослужащими Федеральной службы безопасности России и Вооруженных Сил Российской Федерации при проведении контртеррористических операций // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2023. № 1 (97). С. 101–109.
11. Егорова Н. А., Егоров А. Г. Необходимая оборона в деятельности сотрудников полиции: вопросы уголовно-правовой оценки // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2019. № 2 (49). С. 21–32.
12. Сафронов А. Д. Виктимологическая безопасность сотрудников органов внутренних дел // *Право и государство : теория и практика*. 2017. № 8 (152). С. 106–114.
13. Никуленко А. В. Крайняя необходимость: правовые парадоксы и вызовы современности // *Журнал правовых и экономических исследований*. 2025. № 2. С. 208–216.
14. Заречнев Д. О. Особенности правового обеспечения личной безопасности сотрудников полиции при выполнении служебно-боевых задач // *Алтайский юридический вестник*. 2020. № 1 (29). С. 32–35.
15. Будагьянц Г. Н. Уголовно-правовая ответственность сотрудника полиции за неправомерное применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2022. Т. 8 (74), № 1. С. 92–96.

УДК 343.12

Хайруллин А. Г., преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПРИ ПРАВОМЕРНОМ ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА СВОИМИ ДЕЙСТВИЯМИ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СВОИХ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные вопросы деятельности сотрудников полиции при правомерном причинении материального и физического вреда своими действиями при исполнении своих полномочий. Актуальность заключается, в знании нормативно-правовых актов, которые подтверждают правомерность действий сотрудников полиции, также рассмотрение проблем при возмещении вреда.

Ключевые слова: сотрудник полиции, правомерность, возмещение, гражданско-правовые, эксцесс, участковый уполномоченный полиции.

Сотрудники полиции, являясь субъектами гражданско-правовых отношений, могут выступать сторонами в деликтных обязательствах. Рассмотрим их участие в таких отношениях, особенно в случаях причинения вреда. Сотрудники органов внутренних дел могут участвовать в деликтных обязательствах как кредитор (тот, кому причинен вред) или как должник (тот, кто причинил вред). Важно отметить, что сами сотрудники органов внутренних дел, как участники гражданских правоотношений, несут ответственность за причиненный ими вред. Особый правовой статус сотрудников полиции закреплен в нормативных правовых актах. Сотрудники полиции обладают особым правовым статусом, который включает не только повышенные требования к их профессиональной деятельности, но и предоставление им особых полномочий, социальных гарантий, отличающихся от прав и гарантий других лиц [1].

Классификация обязательств сотрудников полиции занимает непосредственную роль в исполнении служебных обязанностей. Для более глубокого анализа деятельности полиции в сфере деликтных обязательств целесообразно разделить их на две категории в зависимости от основания возникновения:

– общие обязательства: к этой категории относится причинение внедоговорного вреда (согласно статье 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)). Ответственность за такой вред наступает на общих основаниях, предусмотренных гражданским правом;

– специальные обязательства: в отличие от статьи 1064 ГК РФ, которая в качестве основания ответственности указывает противоправные действия, статья 1069 ГК РФ оперирует понятием «незаконные действия или бездействие» сотрудников. Это связано с тем, что в данном случае основанием могут быть не любые противоправные действия, а лишь неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, входящих в компетенцию должностных лиц.

В случае причинения вреда сотрудником органов внутренних дел вне служебной деятельности, его правовой статус, вытекающий из данного правонарушения, приравнивается к статусу физического лица. В этом случае вред возмещается по общим правилам статьи 1064 ГК РФ [2].

Незаконные действия (или бездействие) сотрудников органов внутренних дел, причинившие вред, подпадают под действие статьи 1069 ГК РФ. При этом необходимо учитывать законодательно закрепленные направления деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Возмещение причиненного вреда является мерой обеспечения справедливого и быстрого восстановления имущественного положения потерпевших, что является реализацией обязательством правового государства. В случае возмещения Российской Федерацией вреда, причиненного противоправными действиями (бездействием) сотрудника, федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел имеет право обратного требования (регресса) к сотруднику в размере выплаченного возмещения, для чего федеральный орган может обратиться в суд от имени Российской Федерации с соответствующим исковым заявлением.

Рассмотрим пример из практической деятельности участкового уполномоченного полиции. В полицию поступило сообщение о том, что из квартиры исходит трупный запах. По прибытии сотрудником полиции принято решение о взломе двери, так как со слов соседей в данной квартире проживает одинокая бабушка. Контакт с ней не имеют, ранее не общались. Сотрудником полиции вызвана бригада МЧС. В последующем они вскрыли дверь в присутствии участкового уполномоченного полиции и соседей. Пройдя в квартиру, они обнаружили, что на кухонном столе лежит кусок говяжьего мяса, от которого исходил запах. Как оказалось, бабушка уехала к себе на дачу, а мясо забыла убрать в холодильник. По возвращении из сада хозяйка квартиры обнаружила повреждение замка и двери, написала жалобу в отношении сотрудников полиции. В ходе проверки было установлено, что сотрудником полиции приняты все меры по выявлению местонахождения собственника квартиры и родственников; со слов соседей проживала бабушка преклонного возраста; систематически поступали звонки о трупном запахе. В данном случае сотрудник полиции самостоятельно восстановил замок и дверной проем.

Интересен также пример из практики участковых уполномоченных полиции, где они вскрывают автотранспорт в связи с поступившим сооб-

щением о взрывных устройствах. При проверке факт не подтверждается: сообщение было ложным, звонок – анонимным. В ходе первоначальной проведенной проверки установлено, что собственник автомобиля зарегистрирован в другом регионе и на звонки не отвечал. Автотранспорт был вскрыт незамедлительно, так как могли пострадать люди. В течение дня собственник обратился в полицию о вскрытии его автомобиля, написал жалобу о неправомерном вскрытии автотранспорта на основании анонимного сообщения. В дальнейшем была назначена служебная проверка, по результатам которой нарушений со стороны сотрудников полиции не выявлено: автомобиль вскрыт правомерно, была угроза жизни другим людям. Восстанавливает замок собственник автомобиля. Практических ситуаций, где законные действия сотрудников полиции могут причинить материальный вред, много. Большинство сотрудников опасаются таких мер из-за страха личного возмещения вреда.

Правомерное применение физической силы сотрудниками полиции имеет существенное значение. Целью является минимизация ущерба для граждан, но на практике наблюдаются случаи, когда данный элемент не всегда контролируется. Поступает сообщение о том, что женщину избивает супруг. По приезде сотрудника полиции встречает мужчина с ножом. В результате применения сотрудником полиции физической силы, т. к. угроза была в отношении него и женщины, мужчина получает ранения в виде резаной раны руки. В последующем на сотрудника полиции поступает заявление о неправомерных действиях. Супруга данного мужчины свидетельствует, что сотрудник полиции напал первым, и других свидетелей происшествия не было. Однако сотрудник применил физическую силу. Считаем, что в подобных случаях необходима защищенность сотрудников полиции со стороны государства, и все свои действия сотрудники полиции должны фиксировать посредством видеозаписи.

Остро стоит вопрос о возмещении вреда гражданам от правомерных действий сотрудников полиции. Отсутствие законодательного регулирования и выполнение сотрудниками своих служебных обязанностей по нормам порождает дискуссии: возмещать ли ущерб государству, поскольку сотрудники органов внутренних дел действуют от его имени.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г., с изм. от 16 декабря 2025 г.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 15 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.